

rocketbook

НАЦУО КИРИНО

Нежные щечки

Нацуо Кирино Нежные щечки

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6715336
Нацуо Кирино. Нежные щечки: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72802-2*

Аннотация

Психологический триллер от автора международных бестселлеров «Аут», «Гротеск» и «Хроники богини».

Из живописного дачного поселка на хоккайдском горном озере бесследно пропала пятилетняя Юка Мориваки. Ее родители, их друзья, на дачу к которым семейство Мориваки приехало погостить, добровольцы, местная полиция и полиция округа с ног сбились, разыскивая девочку, но безрезультатно. Идут годы; все уже отчаялись когда-либо найти Юку – но только не ее мать. Терзаемая мыслью, будто причиной трагедии мог послужить ее многолетний адюльтер с хозяином дачи, каждый год в годовщину исчезновения дочери она прилетает на Хоккайдо и продолжает поиски. Казалось бы, никто не мог желать девочке зла – но постепенно выясняется, что слишком многие могли быть заинтересованы в ее исчезновении...

Содержание

Август 1994 г. Унесенная призраками	4
Загадка остается неразгаданной. Исчезновение Юки Мориваки	4
Глава 1. Последний рейс	5
1	5
2	19
Глава 2. Предчувствие воды	28
1	28
2	40
Глава 3. Скитания	55
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нацуо Кирино

Нежные щечки

Август 1994 г. Унесенная призраками

Загадка остается неразгаданной. Исчезновение Юки Мориваки

Утром одиннадцатого августа на пульт экстренной полицейской службы «110» поступило сообщение о том, что из дома, принадлежащего Ёхэю Исияме, в дачном поселке Идзумикё, расположенном у озера Сикоцу в окрестностях города Титосэ, ушла на прогулку и бесследно исчезла пятилетняя дошкольница Юка Мориваки, старшая дочь господина Митихиро Мориваки, сорока четырех лет, владельца компании по производству печатных форм. Поиски ребенка, продолжающиеся к настоящему моменту уже неделю, никаких результатов не принесли. Постоянно проживающий в Токио господин Мориваки проводил на даче своего друга, господина Исиямы, летний отпуск.

Дачный поселок Идзумикё располагается на высоте пятисот метров над уровнем моря. Исходя из соображений, что малолетний ребенок не мог далеко уйти от дома, расположенного в гористой местности, радиус поиска решено было ограничить двумя километрами. Поисковая группа с пятью полицейскими собаками обследовала лесной массив. Были опрошены владельцы близлежащих дач.

Особое беспокойство вызывало то обстоятельство, что, даже если девочка просто заблудилась, выжить пятилетнему ребенку без пропитания в течение нескольких дней в лесу, где температура летом опускается ниже десяти градусов, практически невозможно. По мнению вовлеченных в поиски людей, ситуация была безнадежной. Местные жители судачили, что ребенок мог стать жертвой извращенца или же попал под колеса автомобиля, и водитель решил скрыть следы преступления.

Сотрудники полицейского отделения Энивы выдвигали следующие возражения: «Первое. Дом господина Исиямы находится ближе других дач к вершине горы, и посторонние туда практически никогда не заходят. Второе. В момент исчезновения ребенка мимо офиса поселковой администрации, расположенного у подножия горы, посторонние машины не проезжали. Третье. Владельцы близлежащих дач подозрительных личностей в окрестностях не заметили. Четвертое. Следов автомобильной аварии не обнаружено. Из всего вышеперечисленного был сделан вывод, что авария или похищение представляются маловероятными».

Глава 1. Последний рейс

1

У Исиямы на ноге с детства остался глубокий коричневатый шрам от колючей проволоки. Он тогда споткнулся и упал. Удар пришелся на переднюю область голени. Острые проволоки вонзилось так глубоко, что ему с трудом удалось вытащить его из ноги. Касуми любила нежно поглаживать шрам, приговаривая: «Бедненький, представляю, как тебе было больно!» «Наверное, не удержался, расплакался у всех на глазах? Или храбрился, чтобы никто из друзей не догадался, как тебе больно? Полюбив мужчину, пытаешься представить, каким он был в том или ином возрасте, как вел себя в той или иной ситуации. Как бы мне хотелось встретить его тогда, в детстве, и защитить, как родное дитя», – размышляла про себя Касуми.

А вот Исияме Касуми была интересна только в настоящем. «Я люблю тебя такой, какая ты есть сейчас», – говорил он. Касуми не переставала недоумевать по этому поводу: «Может, ему не хотелось бы встречаться с той Касуми, какой я была до нашей встречи? А может, он не хочет знать, как я стала такой, какой стала? Возможно, он догадывается, что в глубине души я сама не принимаю себя ту, прошлую, или, скорее, не принимаю свое прошлое? Может, любовь бывает и такой?» Когда Касуми чего-то не понимала, она начинала допытываться:

– А почему ты не хотел бы встретиться со мной прошлой?

– Потому что люблю тебя такой, какая ты сейчас, – все время одинаково отвечал Исияма.

– А ты не думаешь, что в прошлом я была такой же, как сейчас?

– Не думаю. Когда ты была моложе, я не находил тебя привлекательной.

– Да нет же! Я говорю про еще раньше, до того, как мы встретились.

– Разве это не одно и то же?

– Ну ладно, а сейчас почему любишь?

– Потому что хорошо тебя знаю.

Касуми злилась, не получая ответ на свой вопрос.

– А вот если бы ты узнал меня получше тогда, в прошлом, ты бы меня, может, тоже полюбил, как сейчас? – не унималась Касуми, хотя знала, что это неправда.

Они познакомились больше десяти лет назад на работе. Тогда она и подумать не могла, что когда-нибудь их отношения зайдут так далеко. Еще совсем недавно она понятия не имела об этом шраме на ноге Исиямы. Возможно, им еще многое предстояло узнать друг о друге. А шрамов, о которых понятия не имел Исияма, у Касуми было более чем достаточно.

Касуми легонько прикоснулась губами к шраму. Исияма отдернул ногу, будто ему было щекотно, и обеими руками притянул Касуми к себе. От прикосновения накрахмаленного постельного белья спине стало жарко. Его начинающее обрастать жирком тело еще не потеряло своей упругости. Зажатая в его объятиях, она чувствовала себя завернутой в это тело. Касуми нравилось это ощущение. Между тем приближалось время расставания. С открытым сожалением и смутным чувством вины Касуми произнесла:

– Мне пора.

Она уткнулась лицом ему в грудь, и от этого ее обычно звонкий голос прозвучал глухо. Исияма слегка пошевелился.

– Я знаю. – (Ей показалось, что его низкий голос доносится прямо из груди.)

– Когда увидимся в следующий раз?

Исияма молчал. Его молчание казалось ей вечностью. Она боялась одного: что когда-то следующего раза не будет.

– Я решил купить дачу.

Почему именно сейчас он заговорил с ней об этом? Касуми оторвала щеку от его груди. Свет от маленькой лампочки окрашивал половину белого потолка в оранжеватый цвет. С потолка она медленно перевела взгляд на еще замутненную от пара стеклянную дверь ванной. Время от времени за дверью раздавалось бульканье воды – не иначе как пробка неплотно закрывала сливное отверстие ванны. Все эти малюсенькие комнатенки были угнетающе печальными. Их миром была кровать. Над головой у них не было неба, они никогда не видели, что там, за окном, за тяжелыми пожелтевшими шторами. Касуми вдруг заметила, что Исияма пристально смотрит на нее.

– Ты куда смотришь? – спросил он.

– На потолок.

– Почему не на меня? – попытался перевести на себя ее внимание Исияма.

– А с чего это ты заговорил про дачу?

– Там мы смогли бы с тобой спокойно встречаться.

В черной радужке его глаз ничего не отражалось. Касуми пыталась понять, что за всем этим стоит.

– Где же ты собрался покупать дачу?

– На Хоккайдо, рядом с Сикоцу. Там рек много, можно рыбачить.

– Ой, так далеко! Туда же так просто не доберешься.

Исияма слегка отстранил Касуми, потянулся за сигаретой. Закурил, будто вместе с табачным дымом хотел выдохнуть тяжесть, лежащую на душе.

– Так в том-то и дело. Далеко от моей жены и твоего Мориваки.

Касуми вздохнула. Как же далеко все зашло! На душе было радостно. Это из-за нее, из-за Касуми, Исияма хочет купить дом! Их отношения начались неожиданно. Они то сходились, то отдалялись. Так прошло больше двух лет. А теперь вот как все обернулось: только и хочется, что сжать друг друга в объятиях и не разжимать их. Никогда. Ей показалось, что решением купить дом они будто отрезали все пути к отступлению. Назад дороги нет. Касуми почувствовала смутное беспокойство.

– Удастся ли?

– Что?

– Рискованная это затея.

Исияма крепко сжал Касуми за предплечье, будто пытаясь унять дрожь в ее душе.

– Я хочу видеться с тобой чаще.

– Я тоже, – прошептала она.

– Ведь твои родители живут на Хоккайдо. Ты сможешь под этим предлогом иногда ездить туда. А я буду ездить на рыбалку. Что скажешь?

– Да, пожалуй.

Она предпочла отвернуться, чтобы Исияма не смог прочитать смущение на ее лице. Действительно, Касуми родилась на Хоккайдо. Об этом она как-то упоминала. Когда ей было восемнадцать, Касуми покинула деревню, где жила вместе с родителями. Она больше никогда не возвращалась туда и не поддерживала ни с кем связь. Вряд ли Исияма, выросший в Токио в обеспеченной семье, смог бы понять ее поступок, даже если бы она и попыталась объяснить. Еще один изгиб ее души, неизвестный Исияме. Ему никогда не приходилось принимать решения, подобные тем, что принимала она. Иногда Касуми казалось, что именно поэтому она сильнее его.

Неожиданно перед ее взором предстало пепельно-серое море, таким, каким она видела его со школьного двора, неровно поросшего травой.

В преддверии зимы море штормило. Слева – мыс Офую. Вправо уходила прямая береговая линия, тянущаяся до городишки Вакканай. Желтый песок с примесью мелкой гальки. Откуда море приносило ее? Поднимешь такой камешек, а он рассыпается у тебя в руках, как слежавшийся песок. В детстве у нее не было друзей, разве что бродячие собаки. Она развлекалась тем, что собирала камешки – у нее в руках они распадались на песчинки. Еще ребенком она думала, что если вот так и суждено ей провести жизнь, глядя на это море, то уж лучше умереть прямо сейчас.

Здание средней школы располагалось на округлом холме. Посторонние туда никогда не заходили. На футбольном поле у ворот собирались стаи птиц. Они и не думали разлетаться, даже когда ученики пытались их спугнуть, а лишь со щебетом разбегались по школьному двору, искусно лавируя и подпрыгивая. Золотарник колыхался от прикосновения морского бриза. Низко над головой нависали плотные облака. За старым зданием двухэтажной школы на вершине холма находилось кладбище животных. Иногда мимо проезжали легковушки с саппоровскими номерами. Там, на кладбище, откуда открывался вид на заброшенный пустырь, кремировали и хоронили собак и кошек. Может, оттого, что кладбище появилось не так давно, гранитные могильные камни были редко рассеяны по его территории. Глубоко воткнутые в землю сбоку от могилки красные и розовые вертушки из целлулоида, треща, бешено вращались на ветру.

Одноклассники проносились мимо Касуми на своих велосипедах, и никто никогда не окликал ее. Она всегда возвращалась домой в одиночестве. Холодный ветер с моря трепал подол ее темно-синего плаща.

Касуми была не такой, как все. Она выглядела по-другому. Плащ, который ей достался от двоюродной младшей сестры, был как у всех. Но вот длина... Она сама укоротила плащ, впрочем, как и юбку школьной формы. На шее – шарф в сине-зеленую шотландскую клетку, повязанный узлом, подсмотренным в каком-то журнале. Стриглась она сама: каре с длинной прямой челкой, по бокам самодельные заколки из старых ленточек. Вместо школьного ранца старая дедовская сумка через плечо. Ее выдумка и старания выглядеть модной оставались незамеченными окружающими. Зайти по пути домой было некуда – ни одного магазина с дешевыми сладостями и другой мелочовкой, ни фастфуда. Медленно спустишься по хорошо утрамбованной дороге с вершины отлогого холма, пересечешь шоссе, и вот он – дом, где живет Касуми. Маленькая точка на абсолютно пустынном побережье – забегаловка «Кирайсо». Единственная закусочная в деревне была ее домом. Когда наступало короткое лето и начинался туристический сезон, отдыхающие могли перекусить здесь и воспользоваться туалетом. Когда приходила зима с ее вьюгами, «Кирайсо» превращалась в трактир для местных жителей.

По правде говоря, Касуми даже нравилось, что в доме часто собирались незнакомые люди. Но она старалась держаться подальше от трактира, чтобы не видеть вечно унылое лицо матери, варящей лапшу или поливающей домбури¹ сладковатой подливой, и хмурю физиономию отца, неизменно подсчитывающего деньги на кассе. Попасть к себе в комнату на втором этаже она могла, только пройдя через трактир, поэтому каждый день, прежде чем открыть раздвижную решетчатую дверь, она пыталась представить, кто сегодня заглянул в трактир. Если посетители оказывались ей незнакомы, то по пути на второй этаж она усаживалась на ступеньке и прислушивалась к беседе за столом. Там же она делала домашнее задание, подкрепляясь всякой всячиной. Если же это был деревенский завсегдатай, зашедший выпить с ее отцом и обменяться местными сплетнями, то она уходила к себе. Касуми не любила слушать гадости о старших братьях и сестрах своих одноклассников. Как чья-

¹ Домбури – глубокая пиала с рисом, на который сверху кладется порция мяса, рыбы или овощей, поливается отдельно приготовленной подливой. (Здесь и далее примечания переводчика.)

то там дочь от кого-то там залетела и где сделала аборт или как чей-то там сын загремел в тюрьму. Она была уверена, что когда-нибудь так же будут сплетничать про нее. Ей казалось, что жизнь взрослых в деревне пустая и никчемная, что они только и ждут, когда подрастут их дети и выкинут что-нибудь этакое, о чем потом можно будет посудачить.

Однажды у дома она увидела красную машину иностранной марки с саппоровскими номерами. У Касуми появилось предчувствие, что происходит что-то особенное. Когда она с грохотом открыла раздвижную дверь, из комнаты с татами для посетителей до нее донесся звук включенного телевизора. Голос ведущего разносился по всему дому. Отец был в прекрасном расположении духа: он то присаживался на стул, то вскакивал, чтобы заменить гостю пепельницу. На татами, спиной к окну, потягивая пиво, сидел молодой человек. Рядом с мужчиной, время от времени наполняя его бокал, скромно сидела ярко накрашенная девица – по моде подведенные густые брови, на губах алая помада. В остальном же, кроме, пожалуй, молодости, в ее облике не было ничего примечательного. Полные ноги, выглядывающие из-под розовой короткой юбки, напоминали формой и цветом дайкон² и выглядели отталивающе. Касуми непроизвольно отвела взгляд. Отца же вид гостя нисколько не смутил, физиономия его сияла от радости.

Мать, как всегда с недовольным выражением лица, что-то сосредоточенно шинковала на кухне. Похоже, она не заметила возвращения дочери. В глубине души Касуми презирала мать, ей казалось, что та где-то по пути растеряла свою жизнь. Отец, видимо, ждал возвращения Касуми, он обернулся и радостно воскликнул:

– А вот и моя дочка!

– Да она у вас красавица! Совсем на вас не похожа.

Касуми краем глаза заметила во взгляде молодого человека вспыхнувший интерес.

– Дочка, поздоровайся с гостями.

Касуми еле заметно кивнула.

Мужчина, рассмеявшись, помахал ей рукой. Одет он был в черный костюм с красным галстуком. «Что за безвкусица! Костюм с атласным блеском и эта химия “под барашка”», – подумала Касуми. Правда, взгляд у него был веселым и живым, как у молодого рыбака-щеголя. Девица рассматривала Касуми с безразличным лицом. Касуми взбежала по лестнице к себе в комнату, скинула школьную форму и натянула джинсы, затем села на лестнице, подперев щеки руками, и стала прислушиваться к разговору за столом. Молодой человек низким голосом рассказывал отцу подноготную о заключении какого-то удачного контракта. «Я даже и не ожидал, но эти учителя, они совсем не прочь пройтись по женщинам. И начинает этот извращенец перед каким-нибудь страшилищем лебезить, ему так даже легче», – говорил он, видимо тыкая пальцем в девицу. Отец смеялся незнакомым Касуми вульгарным смехом. Гость перешел на сакэ – в нос ударил резкий запах теплого алкоголя, смешанный с ароматом жареного сушеного кальмара. Касуми открыла учебник по английскому и стала переводить текст, заглядывая в словарь, когда встречались незнакомые слова.

– Эй, сестренка! – раздался где-то совсем рядом голос.

Касуми в удивлении захлопнула словарь и подняла глаза. Мужчина стоял несколькими ступеньками ниже.

– Это ты что же, так занимаешься?

– Да.

Прямо рядом с лестницей на первом этаже находился туалет, которым пользовались и гости трактира, и домочадцы. По всей видимости, парень решил сходить в туалет и заметил сидящую на лестнице Касуми. Касуми вскочила и бросилась наверх, но парень успел схватить ее за запястье. Рука у него была горячей.

² Дайкон – корнеплодное растение, известное также под названием «японский редис».

- Ты, сестренка, кем хочешь стать?
- Дизайнером.
- Одежды?
- Нет, графическим дизайнером.
- Хм, вот оно как. А ты ведь единственный ребенок в семье?
- Да.

Парень ухмыльнулся с пониманием, как сообщник. Внизу отец о чем-то любезничал с девицей, та в ответ отмалчивалась. Парень на секунду оглянулся, а потом, повернувшись к Касуми, прошептал:

– Когда захочешь отсюда удрать, дай мне знать. Я тебе денег подкину, да и сбежать помогу. Не бойся, я тебе плохого не сделаю.

– Правда?

Касуми посмотрела мужчине в глаза. Было видно, что тот немного пьян, но явно не шутит. Он кивнул с серьезным лицом.

– Уж я-то тебя хорошо понимаю.

Мужчина достал из кармана и вложил Касуми в ладонь визитку. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: визитка, отпечатанная на японской бумаге ручной работы, – из дорогих. Увидев реакцию Касуми, мужчина засмеялся явно с облегчением и, сбежав по лестнице, направился в туалет. Выйдя из туалета и даже не взглянув в ее сторону, он окликнул свою спутницу:

– Нам пора, поехали. Я выпил, может, сядешь за руль?

– Ну конечно, сейчас! – впервые за весь вечер каким-то фальшивым голосом вскрикнула девица.

Парочка расхохоталась, заплатила по счету и укатила. Касуми вернулась в свою комнату, достала визитку и положила ее на стол. Фамилия мужчины была Фуруути, он владел строительной компанией в северной части Саппоро. Касуми спрятала визитку в кошелек. Она никогда так и не позвонила ему, никогда ни о чем его не попросила. Тем не менее именно эта встреча стала поворотным моментом, когда в ее голове окончательно сформировалось «решение».

– Ты о чем думаешь? Что по поводу моей идеи? – Исияма нежно прикоснулся ладонями к ее щекам.

– Я очень рада.

Несмотря на такой ответ, ее пугало, что по стечению обстоятельств дача, где они смогут видаться, будет находиться поблизости от родительского дома, из которого она сбежала много лет назад. Касуми показалось, что насколько сильной была ее радость, настолько же глубоким было чувство ее вины.

– Ну так что? – еще раз спросил Исияма. – Если ты согласна, я завтра же подпишу договор.

– Я правда рада. Только, возможно, я не смогу прямо сейчас поехать. И дома дел много, да и дети еще маленькие. Так далеко я вряд ли смогу поехать в ближайшее время.

– Вот как. Ну, тогда давай поступим так. Этим летом приезжайте всей семьей, – предложил Исияма, стараясь скрыть разочарование. – Приезжай вместе с Юкой и Рисой. Я тоже возьму семью с собой – вот и решение всех проблем. Я сам позвоню Митихиро и приглашу вас.

– Тебе он отказать не сможет, это точно.

Исияма промолчал в ответ. Муж Касуми, Митихиро Мориваки, владел маленькой фирмой «Мориваки-сэйхан», изготавливающей печатные формы. Исияма же занимался графическим дизайном в крупном рекламном агентстве. Он всегда высоко отзывался о работе Митихиро, когда дело доходило до заказа печатных клише. По рекомендации Исиямы фирма

Митихиро часто получала заказы от агентства. Исияма был постоянным заказчиком и хорошим приятелем Митихиро, а Касуми работала директором-распорядителем на фирме мужа.

– С Норико я тоже поговорю.

– А она ни о чем не догадается?

– Да нет, она на тебя не подумает.

В памяти Касуми всплыло красивое, с большим, открытым лбом лицо Норико. Они виделись лишь несколько раз. Жена Исиямы была полной противоположностью Касуми. Касуми знала, что Исияма с женой одногодки, им было по сорок, Норико тоже занималась дизайном. Оба выросли в одной среде. Жена Исиямы была уравновешенной, никогда не совершающей ошибок, безупречной и утонченной женщиной. На фоне изысканной Норико Касуми чувствовала себя ужасной деревенщиной. Ее раздражало, что ни она сама, ни ее муж Митихиро не были интересны Норико. Может, они были для нее просто подрядчиками и она их ни во что не ставила. Узнай Норико про близкие отношения, связывающие Касуми и Исияму, для нее это стало бы настоящим ударом. Гонору бы у нее точно поубавилось. Но она ничего и заподозрить не могла, будучи уверенной, что Касуми не соответствует критериям ее мужа. Касуми помрачнела. Порой ее охватывало острое желание рассказать обо всем Норико, несмотря на то что такое признание грозило уничтожить ее саму. Лишь то, что после такой откровенности она не сможет больше видеться с Исиямой, ее сдерживало. Но возможно, на то была и другая причина. Чувство собственного превосходства, та сила, которой обладала она и которой не было у Исиямы, мешали ей пойти на такой шаг.

Касуми познакомилась с Исиямой почти сразу после того, как пришла работать в «Мориваки-сэйхан». После окончания школы дизайна она потратила некоторое время на поиски работы по специальности, но ничего стоящего не подворачивалось. Время от времени Касуми подрабатывала то тут то там и в конце концов устроилась в компанию Митихиро, состоящую всего из четырех сотрудников. В основном приходилось заниматься фотонабором и изготовлением печатных форм. Освоившись с рабочими обязанностями, Касуми надеялась свободное время посвятить дальнейшему изучению дизайна, но, чтобы справиться со всеми заказами, приходилось работать сверхурочно, так что об учебе пришлось забыть. Сверхурочные часы в компании не оплачивались, да и сама зарплата была невелика. Без всякой поддержки со стороны родителей Касуми только-только хватало на жизнь, и ее желание заниматься заметно поослабло. Ну, значит, так тому и быть. На тот момент главным для Касуми было самостоятельно выжить в Токио. По выходным она стала подрабатывать в маленьком баре недалеко от дома. Этих денег впритык хватало на одежду и мелкие развлечения вроде кино. Исияма начал делать заказы в компании Мориваки еще за несколько лет до появления в ней Касуми. Он часто сам приходил в «Мориваки-сэйхан», чтобы дать указания. Исияма, стоя с серьезным видом рядом с рабочим местом Митихиро, любил приговаривать, наблюдая за четкими движениями рейсфедера в руках приятеля: «Большие компании делают эту работу грубо, а ты, Митихиро, прямо мастер!» От одного только появления Исиямы в накинутаой светлой куртке на плечах по унылой и тесной мастерской будто пронесся свежий ветер. Вместе с этим самым ветром к Касуми пришло понимание того, что где-то есть другой, незнакомый ей мир. Мир очарования и возможностей, порожденный роскошью и излишеством. Для нее, которой побег из деревни стоил большого труда, стало настоящим открытием, что есть люди с другой, отличной от ее, стартовой точкой. Исияма, старше ее лишь на шесть лет, был человеком, мир которого уже устоялся. Касуми он был неинтересен.

– Когда мы с тобой только познакомились, у тебя все время был какой-то отсутствующий вид.

– У меня было неважно с деньгами. Я все время чувствовала себя уставшей.

– При этом вела ты себя очень непринужденно.

– Молодая была. Бедная, но счастливая оттого, что свободная.

Исияма кивнул.

– А помнишь, как-то зимой, в воскресенье, мы столкнулись на «Синдзюку». Вроде бы ты ходила за покупками. Ты мне тогда показалась такой милой, что я и решил пригласить тебя перекусить, но разговор у нас что-то не заладился.

Касуми помнила тот вечер, помнила запах выхлопных газов автомобилей и шершавый бумажный пакет с обновкой. Исияма неожиданно вырос перед ней в подземном переходе книжного магазина «Кинокуния»³. В тот день настроение у нее, надо признаться, было не самым приподнятым. Она пошла с приятельницей по магазинам, и произошло нечто, что изрядно подпортило ей настроение. На подруге было небесно-голубого цвета пальто грубоватого мужского покроя, полы которого почти волочились по земле. Увидев недоуменный взгляд Касуми, подруга рассмеялась.

– Да тут неожиданно нагрянул отец с Окинавы. В Токио он никогда не был, ну и приехал в этом чудном пальтеце. – (Отец подруги работал водителем такси в Наха⁴.) – «Как бы ни было в Токио холодно, второго такого цвета пальто во всем городе не сыщешь», – посмеялась я, а он, когда уезжал, сказал, что специально купил голубого цвета, чтобы оставить его мне... Пальто, конечно, то еще, но не отказываться же, если отец отдает. Вечно эти родители что-нибудь да выкинут.

Вроде бы и рассказывала она это с издевкой, но при этом чувствовалось, что подруга довольна. Касуми еще раз посмотрела на пальто. Оно было красивого пронзительно-голубого цвета, точь-в-точь как прозрачное небо в начале осени. Пальто подруге было велико. Касуми некоторое время как замороженная не могла отвести от него глаз. Впервые после приезда в Токио она пожалела о том, что сбежала из дома, бросив семью. Думала, что все это уже в прошлом, так ведь нет, где-то в глубине души таилось сожаление о своем поступке. Касуми рассердилась на себя, но вместе с тем почувствовала себя ужасно одинокой.

Именно в этот момент и появился Исияма. «По магазинам ходила? Похоже, день не прошел зря». Она возненавидела Исияму за его нечуткость, за неспособность уловить настроение другого человека и излишнюю жизнерадостность. Касуми понимала, что ее придирки несправедливы, Исияма просто появился в неподходящий момент, и тем не менее про себя решила, что такому, как Исияма, – человеку, у которого все хорошо, – не дано понять ее запутанных чувств и проблем. Исияма с беззаботным видом поведал ей, что был в кино, и пригласил поесть карри в «Накамурая». Касуми не помнила, о чем они говорили. В памяти остались только чувство дискомфорта, которое она испытывала, и желание побыстрее отвяжаться от него. После этой встречи Исияма еще несколько раз приглашал ее поужинать, но Касуми его компания так ни разу и не показалась интересной, возможно, именно из-за той истории с голубым пальто.

– А ты за Мориваки по любви вышла? – не прекращая ласково поглаживать Касуми правой рукой, вдруг без обиняков спросил Исияма. Когда приближалось время расставания, он любил изводить ее подобными вопросами.

– Он мне очень помог, – честно ответила Касуми, осознавая, как нехорошо это звучит по отношению к мужу.

Иногда, когда у Касуми не было мелочи даже на электричку, она доставала запрятанную в кошельке визитку. Уголки ее изрядно обтрепались. Она поднимала трубку телефона, но всегда, сделав над собой усилие, опускала. И так по нескольку раз. Прошло почти десять лет с тех пор, как они встретились. После стольких лет странно было бы просить о помощи малоизвестного мужчину, да еще живущего в Саппоро. Да и бизнес у этого Фуруути был

³ «Кинокуния» – крупнейшая сеть книжных магазинов в Японии, один из которых находится на станции «Синдзюку» в Токио.

⁴ Наха – административный центр и крупнейший город префектуры Окинава.

сомнительным. Скорее всего, тот приторговывал симпатичными девчонками, и, позвони она сейчас, ей было бы трудно притворяться ничего не понимающей школьницей. Касуми было далеко за двадцать.

Руку помощи протянул Касуми ее работодатель Митихиро. Он был старше ее на десять лет. Вечно склоненный над печатными формами молодой человек мало чем отличался от трех престарелых сотрудников его фирмы. Он молчаливо шел по жизни, довольствуясь работой в крохотной компании. Его будущее, казалось, было расписано на много-много лет вперед. Митихиро гордился своим мастерством. Касуми уважала его, но совершенно не воспринимала как мужчину. Чего нельзя было сказать про Митихиро, так это того, что он был безучастным или нечувствительным.

Однажды, увидев, что Касуми не принесла ничего на обед, он отозвал ее в угол комнаты и тихо поинтересовался:

– Касуми-тян⁵, что это ты не обедаешь? Денег не хватает?

– Да нет.

– Если какие проблемы, ты скажи. Я могу тебе авансом выдать зарплату, – смущенно предложил Митихиро. – Только ты это... Может, бросишь работу в баре?

– Это причиняет вам какие-то неудобства?

– Нет-нет. Просто я подумал, что тебе физически тяжело работать каждый день.

Митихиро пообещал к тому же компенсировать половину ее арендной платы за жилье. К тому времени, когда между ними случился этот разговор, Касуми проработала в «Мори-ваки-сэйхан» уже пять лет и даже помогала Митихиро с бухгалтерией. Поэтому Касуми решила, что она стала незаменимым для компании сотрудником и Митихиро просто не хочет, чтобы она уволилась.

– Спасибо. Но может, это не очень справедливо по отношению к другим сотрудникам?

– Об этом не беспокойся.

– Почему? – без обиняков спросила Касуми, не удовлетворенная подобным ответом.

– Потому что ты мне нравишься, – выпалил Митихиро и тут же потупился, удивившись самому себе, и замолчал.

Касуми, сдерживая сердцебиение, бессмысленным взглядом разглядывала их старый офис: три рабочих стола для сотрудников, два фотонаборных аппарата, старый и новый. Косые лучи послеобеденного солнца мягко освещали помещение, тихонько играло радио, три пожилых сотрудника с серьезным видом корпели на своих рабочих местах. Все было как всегда, размеренно и тихо. Касуми пришла в голову мысль, что это Фуруути предстал перед ней в облике Митихиро. А может, во всем было виновато пальто небесно-голубого цвета? Через полгода Митихиро сделал ей предложение. Касуми подумала и дала согласие. О замужестве она раньше не задумывалась, но почему бы не попробовать, решила она.

Исияма к тому времени уже давно был женат на своей сокурснице Норико. После замужества Касуми с удивлением узнала, что Митихиро и Исияма близки и вне работы. Теперь Касуми общалась с Исиямой не только как сотрудник компании, но и как жена его хорошего друга. Исияма был частым гостем в их новой квартире в Накано, но ни разу ни Касуми, ни Митихиро не получили приглашения в гости от Норико. Поэтому для них семейная жизнь Исиямы оставалась загадкой. И только появление одного за другим детей говорило о том, что у него в семейной жизни все нормально.

– Вот уж никогда бы не подумала, что так все обернется, – прошептала Касуми из сладостной темницы его объятий.

Время уже поджимало, а ей хотелось бесконечно оставаться в плену его рук.

⁵ В Японии при обращении к детям к именам девочек присоединяется «тян», а к именам мальчиков – «кун». В случае, когда обращаются к взрослому, «тян» и «кун» привносит ласковый или фамильярный оттенок.

– Да неужели? – Исияма еще крепче обнял Касуми, так что она почувствовала себя запертой в клетке. – Я вот думаю, что ты знала.

– О чем?

– Может, нехорошо с моей стороны так говорить, но тебя ведь все не устраивало.

– Что именно?

– Да все, – сказал Исияма и замолчал.

Все? Это он о Митихиро? О работе? Или о том выборе, который она сделала? И если он прав, то как ей надо было поступить? И почему Исияма, который ничего не хотел знать о ее прошлом, так говорит? Касуми устала в темный угол комнаты.

Дело было позапрошлой весной. Касуми в сумерках возвращалась в их офис в районе Канда из Хатиодзи, куда отвозила клиенту печатные формы. После рождения Рисы прошло только полгода. Она была так измотана, что задремала в электричке, ухватившись рукой за висячий поручень. Ей хотелось домой, но нужно было заказать ужин с доставкой в офис для Митихиро и сотрудников, которые работали всю ночь напролет, да к тому же остались кое-какие дела по бухгалтерии.

Заказов было немного. Приходилось браться за любую срочную работу, иначе компании было не выжить. По мере распространения компьютеров спрос на печатные формы, изготовленные с помощью фотонабора, стремительно падал. Для Касуми возвращение в офис было пыткой. Завидев ее, сотрудники демонстративно отводили взгляд.

Незадолго до этого Касуми уволила старейшего работника компании и вынашивала план со временем уволить и остальных. Митихиро мог справиться и один. На сэкономленные за счет сокращения персонала средства она собиралась закупить компьютеры и нанять молодых специалистов. Возможно, сотрудники узнали о ее планах – атмосфера в офисе стала тяжелой. Время от времени она даже ловила на себе осуждающий взгляд Митихиро. Она смутно догадывалась, что мужа подавляют ее решительность и деловитость. В такие моменты Касуми казалось, что ее предали. Причем предал тот, кто должен был быть ее единомышленником и опорой. Она чувствовала себя одинокой. Что и говорить, принимать решения и делать все самой – дело непростое. Но ведь если кто-то в семье не будет действовать решительно, то вся семья может оказаться без средств к существованию. Ну уж нет – деятельная натура Касуми не собиралась сдаваться, в то время как Митихиро предпочитал молчаливо покоряться ударам судьбы.

Из окна электрички линии «Тюо» Касуми смотрела на цветущую сакуру, растущую на насыпи вдоль железнодорожного полотна. Деревья красиво вырисовывались на фоне подернутого дымкой белесого неба – от такой красоты у Касуми даже мурашки пробежали по коже. Вскоре сакура исчезла из виду. Поезд прибыл на станцию «Канда». Когда Касуми вышла из электрички, уже вечерело и холодный пыльный ветер начал задувать за пазуху. Касуми пробилась дрожь, она плотнее запахнула кардиган. «Что я делаю в этом грязном, холодном городе?!» – подумала она.

Тогда, в детстве, почему она старалась делать вид, что не такая, как все, даже если для этого нужно было прикладывать усилия, шить или мастерить своими руками? Будто старалась отчаянно доказать, что она – это она. Сейчас у Касуми не было сил, ни физических, ни духовных. Теперь она выглядела как одна из тех женщин, что измучены материальными проблемами и воспитанием детей: свитер и брюки, купленные на распродаже и совсем ей не подходящие, волосы, перетянутые черной резинкой, на лице ни грамма косметики. У нее не было сил ни что-то сделать со своим внешним видом, ни даже задуматься об этом. Не было и времени спокойно полюбоваться сакурой. Касуми вдруг стало ужасно жалко себя. Неужели это и была та самая жизнь, которую она представляла себе в мечтах, сбегая из деревни? И не происходит ли все это с ней потому, что в тот день она покорно приняла благосклонность Митихиро?

Фуруути стал для Касуми человеком-символом. Благодаря ему жидкая глиняная каша ее желаний приобрела очертания сосуда. Фуруути за доли секунды сумел разглядеть в ней это стремление, порожденное ее железной решимостью, доказать всем, что она, Касуми, не такая, как все. Митихиро не был Фуруути. Интересы мужа не выходили за рамки производства печатных форм. Он и не пытался понять Касуми, он просто втиснул ее в свой мир, мир «Мориваки-сэйхан». Касуми вдруг отчетливо осознала, что, приняв предложение Митихиро стать его женой, она совершила ошибку. В полной растерянности она остановилась как вкопанная. Город, казавшийся ей переполненным свободой, в котором все выглядело свежим и полным неожиданностей, вдруг стал другим. Сейчас город сжимал обессиленную Касуми кольцом своей враждебности. Она неожиданно почувствовала, что ей некуда идти. Касуми в недоумении озиралась по сторонам. Смеркалось.

На улице, где был расположен офис «Мориваки-сэйхан», находилось множество маленьких забегаловок. Время было как раз перед открытием, и на улице не было ни души. Касуми, идущая нетвердую походкой, посадила синяк на голени, ударившись о стоящую на пути вывеску магазина с намотанным на нее проводом. Нагнувшись, она потеряла ушибленную ногу, и взгляд ее наткнулся на корзинку с использованными влажными полотенчиками, бесхозно стоящую у входа в забегаловку. Касуми представила прикосновение холодной ткани, и по телу пробежали мурашки. Ей стало ужасно противно. Нужно было возвращаться в офис, к Митихиро, пройти по этой захлавленной, безлюдной улице. Закусив губу, Касуми направилась на работу.

Дверь лифта начала закрываться прямо в тот момент, когда Касуми зашла в здание, где располагался офис «Мориваки-сэйхан». Она остановилась в нерешительности, не зная, стоит ли ей попробовать заскочить в лифт. До чего же ей не хотелось обратно в офис! Уже почти закрывшиеся дверцы лифта неожиданно снова открылись. В лифте, одетый в темно-синюю куртку и красную рубашку поло, стоял, не давая закрыться дверям, Исияма. Касуми неожиданно для себя самой стояла и смотрела на него как замороженная, не в силах сдвинуться с места.

– Давай заходи! – рассмеялся Исияма.

Касуми вбежала внутрь и со всей силы прижалась к Исияме. Ей захотелось проникнуть в незнакомый и такой непохожий на ее собственный мир.

– Что случилось? – удивленно прошептал ей на ухо Исияма, прижимая Касуми к груди.

Касуми запрокинула голову, приблизилась губами к его губам и, глядя ему прямо в глаза, поцеловала. Она помнила, что движения ее были медленными и настойчивыми. Оторвавшись от его губ, она произнесла:

– Не хочешь пойти посмотреть на сакуру?

Исияма заглянул ей в глаза, будто пытаясь разглядеть, серьезно ли она. Касуми смотрела на него, не отводя взгляда. В его глазах она вдруг увидела странное голубоватое мерцание, пришедшее на смену удивлению.

– Ну, можно и пойти. Только неожиданно как-то.

– Мне только что в голову пришло.

Исияма мягко засмеялся. Лифт, ни разу не остановившись, поднял их на шестой этаж. Двери открылись. Прямо напротив лифта была видна стеклянная дверь в офис. К ней был приклеен лист бумаги с названием фирмы, напечатанным на фотонаборном аппарате. «Мориваки-сэйхан». Шрифт NAR, 120 пунктов. Через стеклянную дверь пробивался голубоватый свет флуоресцентных ламп. Слышался приглушенный шум работающих фотонаборных аппаратов. Касуми торопливо ткнула кнопку лифта, и дверь закрылась.

– Куда бы лучше пойти? – только и пробормотал Исияма за все то время, что лифт спускал их вниз.

Касуми, не промолвив ни слова, вышла на улицу, увлекая Исияму за собой. Освещение на улице все еще не зажгли. Взгляд Касуми метался в полумраке. Она плохо понимала, чего она хочет, плохо понимала, куда она направляется и почему держит за руку Исияму.

– Куда ты хочешь пойти? – Исияма переложил пакет с печатной формой в другую руку и с беспокойством посмотрел на Касуми.

– В love-отель, – ответила она.

Исияма поймал проезжающее мимо такси, сказал водителю адрес и, будто боясь, что Касуми может передумать, сжал ее зачоченевшую руку в своих ладонях. Руки были теплыми. Касуми захотелось согреться, и она юркнула к нему под куртку. Машина остановилась перед гостиницей у станции «Юсима». Им достался малюсенький номер с двойной кроватью. Она никак не могла избавиться от чувства нереальности происходящего. Как вышло так, что она оказалась здесь с Исиямой? Неужели это крошечное пространство и есть тот другой мир, в который она так стремилась?! Ее не мучили сомнения. Она решила, что ей позволено поиграть на чувствах того, кто безмятежно живет в своем сытом и красивом мире. Странное у нее было ощущение: его мир притягивал ее и в то же время отталкивал. В этот момент она ненавидела и себя за то, что соблазнила Исияму. Стоя в тесном пространстве между окном и кроватью, она сняла кофту и небрежно бросила ее на заляпанное ковровое покрытие.

– У тебя что-то случилось?

– Ничего не говори, просто обними меня.

– Как?

– Как обнимешь.

Горячей еды в комнате не было. Касуми поймала себя на мысли, что ужасно проголодалась. Некоторое время назад, лежа в постели с Исиямой, она дрожала от прикосновения холодных простыней. Кутаясь в них, она нашептывала: «Холодно, как же холодно!» Исияма грубо сорвал с нее простыню и, схватив удивленную Касуми за руки, прижал к кровати. Касуми, которая почему-то надеялась, что Исияма будет с ней ласков, почувствовала себя обманутой. Так же грубо он овладел ею. Пытаясь сопротивляться, Касуми кричала и кусалась в отместку. То, что произошло между ними, было далеко от наслаждения. Когда все закончилось, Исияма, поглаживая Касуми по волосам, произнес:

– Обещаю в следующий раз быть понежнее. Ты уж тоже постарайся.

То есть будет следующий раз? Значило ли это, что, несмотря на взаимную грубость, Исияма хотел продолжения? Удивленная, Касуми подняла на него взгляд.

– Почему?

– Тебе ведь было все равно с кем, так ведь?

Касуми, не найдясь что ответить, задумалась. А действительно, мог бы на месте Исиямы оказаться кто-то другой?

– Ну что? Задумалась? Все равно ведь, да?

– Думаю, что ты ошибаешься.

Касуми вспомнила, как завороченно уставилась на Исияму в лифте.

– Рад, если это так. Я буду заботиться о тебе.

– Это как?

– Я потом подумаю.

Если Фуруути укрепил решимость Касуми во что бы то ни стало бежать из дома, то Митихиро дал испробовать ей горечь реальности. Что же до Исиямы, то Касуми казалось, что с ним она может перенестись в новый, незнакомый ей мир. Ее уверенность в том, что Исияма жил в мире, где все уже давно устоялось, была ошибочной. Скорее она сама и Митихиро были его обитателями.

В тот вечер она вернулась в офис, опоздав на два часа. Митихиро и двое сотрудников как раз ужинали готовым бэнто. Во флуоресцентном свете рис с красными следами от мари-

нованных слив выглядел остывшим и неаппетитным. Митихиро отложил палочки и недовольно посмотрел на вошедшую Касуми.

– Извините, что задержалась.

– Из детсада звонили.

– Что сказали?

– Что сказали?! Понятное дело – что! Что ты не пришла вовремя за ребенком и не позвонила.

– Конечно, мне ведь надо было вернуться в офис. Естественно, я не успела, – парировала Касуми, наливая чай.

– Я тебе не об этом говорю. Ты где была? Тут столько дел, а мне пришлось идти покупать ужин.

Ставшие свидетелями их то ли семейной, то ли рабочей перебранки сотрудники молча поглощали содержимое бэнто. Один из них, пожилой мужчина, с которым у Касуми были особенно натянутые отношения, бросил на нее сочувственный взгляд. Ее это задело. Она аккуратно положила на стол печатную форму, которую передал Исияма.

– Это Исияма передал. Я с ним внизу столкнулась.

– Он не сказал, это срочно надо править?

– Понятия не имею. Сам уточни.

– Да уж придется. Конечно, легче всего сделать вид, что с тебя взятки гладки. Ты вообще в последнее время какая-то несобранная.

Она и в самом деле была несобранной. Двое маленьких детей на руках, работа, которая, как бы она ни старалась сосредоточиться, никак не ладилась. В душе Касуми раздался невольный вопль. А тут еще и от мужа нет ни понимания, ни заботы. Только минуту назад она раскаивалась в том, что была в отеле с Исиямой, в то время как Митихиро вынужден был есть свой остывший ужин. И вдруг она поймала себя на мысли, что Митихиро напоминает ей серое море из ее детства. Бежать! Она с трудом сдерживала растущее возбуждение. Единственным спасением были слова Исиямы «в следующий раз».

– Ты правда согласна? Тогда я покупаю.

Исияма склонился над Касуми и посмотрел ей в глаза, пытаясь заглянуть внутрь, пытаясь угадать ее мысли. Сейчас он напоминал ей того Исияму, из лифта.

– Хорошо.

– Я знаю, что поступаю ужасно, но... знаешь, я просто хочу поехать с тобой туда, где никого больше не будет.

– Я понимаю.

– Поедем!

– Хорошо.

Они поцеловались, и Касуми снова уставилась в потолок. Решение, только что принятое ими, разбудило в ней одно воспоминание.

Случилось это, когда она наконец-то решила убежать из дома. После того как она окончила школу, родители стали более бдительными, беспокоясь, что Касуми может сбежать. Они были согласны отпустить дочь в училище в Саппоро, но никак не в Токио. Касуми же хотела в Токио. До Саппоро можно было добраться за три часа. Прямо скажем, не бог весть какой дальний свет, и, случись что, родители могли спокойно приехать и забрать ее домой или же просто все время наведываться, проверять, все ли нормально. На подаренные ей деньги тайком от родителей она отправила заявление в токийскую школу дизайнера.

Но чтобы добраться до Токио, сначала нужно было оказаться в Саппоро. Автобусы в Саппоро ходили шесть раз в день: два рейса утром, один в час дня, два до наступления темноты и один в восемь часов вечера. В расписании рядом с восьмичасовым рейсом стояла

пометка «последний рейс». Касуми решила, что этот автобус – ее единственный шанс. Вечерами родители либо прибирались в забегаловке, если никого не было, или же были загружены работой, обслуживая клиентов. К тому же она заметила, что к вечеру родители теряли бдительность, по-видимому не ожидая, что дочь может остановить свой выбор на рейсе, прибывающем в Саппоро ночью. Ну что ж, Касуми собиралась перехитрить их.

С каждым разом, когда Касуми смотрела на пометку «последний рейс», ее решимость сесть в автобус, уехать из этой деревни и никогда не возвращаться обратно все крепла. И все же от самой надписи веяло какой-то печалью. Мысль о том, что она может никогда не вернуться домой, приводила ее в уныние. Касуми хотела уехать и одновременно боялась этого. Неужели она решится на такой дерзкий побег?! Визитка Фуруути стала ее талисманом. Зажав бумажку в руке, она ежедневно рисовала в своем воображении, как сядет на «последний рейс».

После выпускного родители стали ежедневно по утрам заглядывать в комнату Касуми. Стоило ей ненадолго выпасть из поля их зрения, как они начинали по очереди дежурить у автобусной остановки. Касуми попросила подружку, и та частями перетащила и спрятала в зарослях сухой травы за остановкой ее вещи. В решающий вечер Касуми постаралась вести себя как можно более непринужденно: искупалась, посмотрела с родителями телевизор. Примерно в семь тридцать она сделала громче звук, тихонько переделалась и вылезла через маленькое окошко с двойной рамой на крышу, крытую гофрированным железом. Звук шагов по крыше оказался неожиданно громким – сердце замерло в груди, Касуми остановилась и прислушалась. Мать на кухне мыла посуду, явно уверенная, что сегодня все обошлось. Изредка раздавалось треньканье кассы – отец подсчитывал дневную выручку. Касуми вздохнула с облегчением и посмотрела на небо. Оттуда на нее глядел тонкий серп луны. Был уже конец марта, но вечера были по-прежнему морозными, и еще влажные после ванной волосы неприятно охладили щеки. Касуми тяжело и неуклюже спрыгнула с крыши – под шерстяным пальто с капюшоном на ней было несколько пар нижнего белья и свитеров. Бум! – удар об землю прозвучал ужасно громко. От страха у нее похолодело в груди, но ничего не произошло. Она изо всех сил бросилась в сторону автобусной остановки, расположенной в десяти минутах ходьбы от дома.

По автотрассе изредка проносились машины. Совсем близко рокотало море. Тревожно завывая, ветер гулял по степи. Справа от Касуми лежала кромешная тьма огромного водного пространства, слева – такая же черная и бескрайняя пустынная степь. Касуми бежала что есть мочи, бежала от этого моря и от этой степи. Сейчас она боялась только одного: что, если автобус уйдет и она останется одна, окруженная темнотой? Добежав до остановки, Касуми включила карманный фонарик и стала искать свои вещи. Черный полиэтиленовый мешок для мусора с ее вещами внутри лежал нетронутым в зарослях позади остановки. Касуми поспешно взвалила сумку на спину. Через некоторое время она увидела приближающийся со стороны трассы яркий свет фар. Касуми изо всех сил стала размахивать фонариком, сигналивая водителю, чтобы остановился.

Открывшаяся дверь автобуса ударила волной воздуха, и Касуми еле устояла на ногах. «Последний рейс в Саппоро», – объявил водитель. Игнорируя его удивленный взгляд, Касуми направилась в самый хвост. Она была единственным пассажиром. Автобус тронулся. Боязливо обернувшись, Касуми увидела отдаляющиеся огоньки деревни. Она ощущала радость, что наконец-то удалось совершить задуманное, и беспокойство от того, что ждет ее в новой жизни. Надежда и отчаяние. Никогда раньше не терзали Касуми столь противоречивые чувства.

Не было ли предложение Исиямы о поездке на дачу таким же «последним рейсом»? Эта мысль снова и снова приходила ей на ум. Убежав из дома, Касуми чувствовала радость свершения и надежду. Свидания с Исиямой не давали ей надежды, а лишь радость от обла-

дания им в настоящем. «Последний рейс» был для нее чем-то, к чему нет возврата, но в какой бы тупик ни зашла ее жизнь, Касуми и подумать не могла о том, чтобы бросить своих дочерей.

– Ой, мне пора!

Покосившись на часы, Касуми встала с постели и стала поспешно одеваться, пытаясь нащупать в темноте скинутое на пол нижнее белье и рубашку, которую расстегнул и бросил куда-то Исияма. Похоже, чем-то разочарованный, Исияма оставался в постели.

– Береги себя, и до встречи на Хоккайдо, – ласково произнес он.

– Хорошо.

Улыбнувшись и махнув на прощание рукой, Касуми, поправляя волосы, вышла из комнаты. Вполне возможно, что ее внешний вид хранил следы произошедшего, но времени удостовериться у нее уже не было. Касуми дотянула до последнего момента, пытаясь как можно дольше остаться в объятиях Исиямы.

Касуми на велосипеде, оставленном у станции «Накано», добралась домой. Будучи секретарем попечительского совета в детском саду, она смогла под предлогом того, что у нее назначено собрание, на пару часов улизнуть из дома. С недавних пор Исияма, подлаживаясь под график Касуми, старался устраивать их встречи недалеко от ее дома.

Из ванной доносились плеск воды и радостный визг Рисы – Митихиро купал дочку. Касуми постучала в дверь ванной, давая понять мужу, что она вернулась.

– Я пришла.

В предбаннике, глядя в замутненное от пара зеркало, она поправила растрепавшуюся прическу, внимательно посмотрела на свое покрасневшее лицо. Ей всегда казалось, что в те дни, когда она встречалась с Исиямой, глаза ее сияли ярче обычного.

– Mamochka, ты куда ходила?

Рядом с Касуми, задрав голову, стояла пятилетняя Юка. Дочь была не по годам проницательным ребенком. Касуми, немного смущенная ее взглядом, ответила заготовленной ложью:

– В кафе. Встречалась с другими мамами, с мамой Мии-тян и Юкито-куна.

– А вы что, выпивали?

– С чего ты взяла?

– У тебя лицо красное, – презрительно бросила Юка и побежала к телевизору.

Посмотрев дочери вслед, на ее розовую пижаму, Касуми двумя руками оперлась на раковину. До чего же она дошла – врет малому ребенку. Вот до чего доводит жизнь, когда есть что скрывать. Дверь ванной распахнулась, и в дверном проеме показался Митихиро с покрасневшей Рисой на руках.

– Чего-то ты припозднилась, – промолвил Митихиро, кутая Рису в банное полотенце.

– Извини, заболтались.

Волос у Митихиро, которому исполнилось сорок четыре, заметно поубавилось, и сквозь прилипшие влажные пряди просвечивала кожа головы. «Господи, вот если бы на его месте мог оказаться Исияма», – защемило у Касуми в груди. Она тут же содрогнулась от тяжести своего греха. Но радость от свиданий с Исиямой превосходила чувство вины. Остановиться она не могла. Остановившись, она не смогла бы жить. Встречи с ним были ее единственно возможным «побегом».

2

Исияма лениво валялся на разобранной, смятой постели, затягиваясь сигаретой. Свидания с Касуми, имевшей на руках двух малышей и оттого вечно ограниченной во времени, всегда заканчивались слишком быстро. После того как, торопливо собравшись, Касуми покинула отель, Исияма принял душ, прибравшись и заплатил за комнату. Так продолжалось уже два года, но он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что в какой-то момент оставался в одиночестве.

Ему хотелось больше времени проводить с Касуми, хотелось смотреть на нее, на ее растерянный вид, вглядываться в смену эмоций на ее лице – то замешательство, то гнев. Исияма с тоской подумал о красивом разрезе ее раскосых глаз и крупных, пухлых губах. Прошло всего ничего с тех пор, как он очерчивал пальцами их контур, притрагивался к ним, а ему уже казалось, что миновала целая вечность. Если присмотреться, все на ее лице было крупным и резко очерченным, но в целом, как ни странно, выглядело изысканно и женственно. Вспоминая форму ее глаз, носа, губ, он пытался сделать воображаемой кистью набросок ее лица, как его учили в художественном институте. Вместо этого перед глазами стояла другая картина: распластавшаяся Касуми шарит руками по полу в поисках разбросанной одежды; или вспоминалась радость на ее лице в момент их встречи. Он уже не мог разложить ее на отдельные части. Для него Касуми была тем редкостным типом женщины, рядом с которой он чувствовал себя по-настоящему мужчиной и с которой он связывал свои надежды на счастливое будущее. Исияма затушил сигарету, он злился на себя за то, что не мог заполучить Касуми.

Надо признаться, сам Исияма совсем не был уверен, что покупка дачи на Хоккайдо такая уж хорошая затея. И дело было не в деньгах. Все-таки это была дача на Хоккайдо, а не где-нибудь в Каруидзаве⁶. Он вполне мог потянуть эту покупку на свою зарплату служащего. По наследству ему перешел дом в Комабе, в районе Мэгуро, площадью почти двести квадратных метров. В его жизни не было чего-то, в чем бы он был вынужден себя ограничивать. Возьмем, к примеру, гольф – он никогда не стремился вступить в гольф-клуб; никогда не был одержим идеей купить иномарку, как многие его друзья-дизайнеры, а в свободное время, если оно у него было, не путешествовал с семьей за границу. Деньги ему требовались лишь на образование двоих детей, но и тут поводов для волнения не было. Исияма любил рыбалку. Он запросто мог в выходной проснуться засветло, отправиться в Окутаму или Тандзаву, найти удачное место и в одиночку рыбачить. Проведя с удочкой в руках полдня, он довольный возвращался домой. Это хобби ему почти ничего не стоило.

Когда он поделился с Касуми идеей покупки дачи, «рискованная затея» – только и произнесла она в ответ. Исияма прекрасно понимал, что она чувствовала. Ее встревожили его слова о том, что он покупает этот дом для того, чтобы они могли там встречаться. И все же ему хотелось, чтобы она была скорее рада его предложению. Или же это было слишком эгоистично с его стороны – ожидать, что она обрадуется?

Его тоже мучили сомнения: после покупки дачи не получится ли так, что Касуми станет для него просто любовницей, а их отношения – банальными отношениями, какие бывают между любовниками, – вот что тревожило его.

Его решение изменило их еще невидимое будущее. Видимо, Касуми думала так же. Может быть, в своих мечтах он строил планы на годы вперед? Когда-нибудь он бросит работу, разведется, отдаст Норико дом в Мэгуро. Касуми тоже расстанется с мужем, и они будут жить в доме на Хоккайдо. Исияма в глубине души пестовал эту фантазию, но смелости

⁶ Каруидзава – курортное место в префектуре Нагано.

рассказать все Касуми у него не хватило. Так она и ушла сегодня от него встревоженной. Его мечта и в самом деле была несерьезной, ребяческой. Но с другой стороны, она не была неосуществимой. Если только пожертвовать всеми разом: Норико, его детьми, детьми Касуми, Мориваки. Он прекрасно отдавал себе отчет, до чего эгоистично это звучало. Однако, чтобы стать этим самым эгоистом, нужна была та еще смелость. Стряхнув с себя всех и вся, ему хотелось остаться самим собой. До сегодняшнего дня он не задумывался об этом. Если же он не сможет быть собой, то жизнь, ждущая его впереди, была подобна смерти.

Исияма достал из холодильника бутылочку пива. Пиво было теплым. Размышляя, стоит ли ему пить, он поигрывал бутылкой и думал о жизни без Касуми. «Нет, только не это!» Исияма замотал головой. Встреча с Касуми совершенно изменила его. Теперь он знал, что в любви есть глубокие пропасти и высокие вершины, что можно радоваться оттого, что понимаешь другого человека, что для стабильных и наполненных отношений требуется большое напряжение душевных сил. Раньше он был безразличен к таким вещам. Будет успех в работе, так и остальное приложится, – считал он, а об остальном его представления были крайне смутными. Касуми по натуре была взбалмошной, но при этом честной и прямолинейной в своих чувствах, как собака; она целиком отдавалась своим желаниям. Вот и хорошо, что она такая! Чего еще желать? Больше ничего и не надо.

Касуми была для Исиямы неизведанным миром. Даже сейчас, после стольких лет знакомства, он всегда находил в ней что-то новое. Загляни тот, прежний Исияма в ее мир, задерживаться бы там он точно не стал. Теперь же, путешествуя по этому миру, он даже подумывал о том, чтобы вдвоем с Касуми прокопать тоннель на обратную сторону земли.

Исияма поднял брошенные на кровать часы и надел их на руку. Было одиннадцать вечера. Ему хотелось поскорей выбраться из этой пустой комнаты, но надо было дожидаться, когда Норико заснет. Исияма откупорил пиво. Из бутылки брызнула пена, намочив часы на руке. Исияма схватил лежащее рядом банное полотенце и вытер им руку. Не наливая в стакан, стал пить прямо из горлышка. Заметив, что именно этим полотенцем только недавно пользовалась Касуми, он вспомнил, как впервые увидел ее в офисе «Мориваки-сэйхан». Было это двенадцать лет назад.

В компании «Мориваки-сэйхан» работали профессионалы. Покоренный их мастерством, Исияма не пользовался услугами ни посыльных, ни торгового агента компании, ему нравилось самому относить рукописи в офис, объяснять детали Митихиро, а затем, давая указания, наблюдать за всем процессом создания печатной формы. Работать так было интересней, да и результат был отличным. Честолюбие не давало ему покоя – он стремился быть лучшим дизайнером в отделе разработки рекламы, и ему уже начинало воздаваться за его усилия. Исияма твердо верил, что вскоре наступит его час в мире рекламы.

В последние жаркие дни, в начале сентября, Исияма без определенной цели заглянул в офис Мориваки. Просто был неподалеку и решил зайти узнать, не готова ли заказанная им печатная форма газетной рекламы. За рабочим столом в майке оливкового цвета и форменных штанах цвета хаки сидела незнакомая молодая женщина. Приговаривая «Ну и жара!», она обмахивалась веером. На улице было градусов тридцать пять, а в офисе сломался кондиционер. Несмотря на это, все сотрудники офиса усердно трудились на своих рабочих местах. Было так душно, что Исияма снял пиджак и вытер носовым платком выступивший пот.

Заметив Исияму, девушка, с интересом посмотрев на него, приподнялась со стула. В этот момент из-под короткого топа выглянул глубокий пупок. И хотя одета она была как-то по-военному, кожа у девушки была белой, линия рук плавной и женственной. Свободного покроя штаны хорошо сидели на идеальной формы попе. Правда, похоже, девушка не осознавала своей сексуальной привлекательности. Хотя ее движения были чересчур резкими, в этом чувствовалось что-то милое. Забавная девчушка, подумал Исияма.

– А вы кто будете? – звонким голосом как-то неуклюже осведомилась она.

– Меня зовут Исияма.

В этот момент со своего рабочего места обернулся Митихиро. Сначала его взгляд остановился на девушке, а затем он заметил Исияму и поднял руку в приветствии.

– А, хорошо, что зашел. Все уже готово.

Девушка приветливо заулыбалась, поняв, что все уладилось само собой. Улыбка была какой-то беззаботной и слегка дерзкой, если учитывать, что перед ней был клиент фирмы. В этом офисе – что было ясно как божий день – девушка была существом инородным среди всех этих добросовестных и честных трудяг. Даже немолодые сотрудники, скинувшие из-за жары рубашки и оставшиеся в майках, время от времени поглядывали на нее. Все мужчины, работающие в этой компании, были средних лет – самым молодым был парень, отвечающий за сбыт, за ним следовал сам начальник фирмы Мориваки. Когда Митихиро и Исияма расположились в приемной для посетителей, обустроенной в углу офиса, Исияма, показывая на девушку, поинтересовался:

– Новенькая?

– Ага. Взял на обучение. Эй, Касуми-тян! Подойди сюда, познакомлю тебя с нашим постоянным клиентом.

Девушка положила веер и направилась к ним танцующей походкой.

– Познакомься, это господин Исияма из компании «Кёкося». А это наша новая сотрудница Касуми Хамагути.

Визиток, похоже, Касуми еще не сделали, и она стояла в растерянности, не зная, как поступить. Девушка была плотного телосложения, с длинными ногами и руками, которыми она двигала, будто не зная, куда их приткнуть. Не сказать, что было в ней что-то детское, скорее она выглядела какой-то рассеянной. Исияма поприветствовал ее, Касуми в ответ вежливо поклонилась и поспешно ретировалась на свое рабочее место. Девушке и в голову не пришло предложить им чего-нибудь прохладительного. Митихиро с горькой усмешкой сам достал из холодильника ячменный чай и предложил Исияме.

– Девчонка мечтает стать дизайнером.

– Неужели?

Исияме стало жаль Касуми. Слишком сильна конкуренция. Чтобы выжить в этом бизнесе, нужен был не только талант, но и удача. Некоторые компании, подобные компании Митихиро, содержали и дизайнерский отдел, но компания его друга занималась исключительно фотонабором и изготовлением печатных форм. Вряд ли у девушки был хоть малейший шанс, будучи загруженной заказами на работе, шлифовать свое мастерство. Будто почувствовав, о чем подумал Исияма, Митихиро добавил:

– Если у нее будут какие вопросы, уж не обессудь, помоги, пожалуйста.

– Чем смогу.

Исияма бросил взгляд в сторону Касуми. Короткая стрижка, волосы с коричневатым оттенком. Девушка что-то усердно выводила рейсфедером – практиковалась. От пота челка прилипла ко лбу. Пот наверняка скопился и в ложбинке ее пупка, мелькнуло в голове у Исиямы.

– А с печатными формами как? Справляется?

Мориваки украдкой, под столом, показал ему сжатый кулак большим пальцем вниз.

– С этим совсем беда. Возможно, конечно, со временем наловчится, но способностей у нее особых нет, может, просто это не ее. Идеи у нее неординарные, странная она немного. Но при этом на удивление серьезная. Девушек у нас в офисе не было, вот я и подумал, может, со временем поручу ей вести бухгалтерию.

– Так ведь она дизайнером хочет стать?

– Знаешь, думается мне, это у нее быстро пройдет.

Это замечание вызвало у Исиямы внутренний протест. Митихиро, прищурившись, с явным умилением смотрел на девушку. Исияме же в Касуми понравилось то, что вокруг нее какая-то совсем другая атмосфера, и он почувствовал легкое разочарование, что все может сложиться так, как сказал Митихиро.

В тот вечер Митихиро пригласил Исияму выпить в Синдзюку. Подвыпив, он без умолку говорил о Касуми.

– Девчонка эта ну прям какой-то дикий звереныш. Будто только и ждет, когда ее поймают и приручат. Я-то для нее староват, да и не подходим мы друг другу.

Несмотря на эти слова, у Исиямы было странное чувство, что намерения у его друга совсем иные. В тот момент Митихиро было тридцать два. Он уже три года как имел свой бизнес, после того как ушел из большой полиграфической компании. Бизнес его шел по накатанной, и он наконец мог вздохнуть с облегчением.

– С чего ты взял, что вы друг другу не пара? Ей сколько лет?

– Думаю, двадцать два. – Митихиро поправил дужку сползших на переносицу очков в металлической оправе. Внешне худощавый и гибкий, он напоминал ученого-технаря. – Прежде чем попасть к нам, она вроде бы подрабатывала в разных местах дизайнером.

– Похоже, девица с характером.

– По выходным подрабатывает в баре хостес, но с клиентами никуда не ходит, только работа, – стал заступаться за Касуми Митихиро, видимо задетый за живое словами приятеля.

Исияма снова вспомнил глубокую впадинку на ее животе. Он и сам был бы не прочь немного поразвлечься, но, увидев, что Митихиро всерьез увлечен, решил отказаться от этой идеи. Глядя на Касуми, все мужчины, похоже, думали об одном и том же. Исияма не сомневался, что в один прекрасный день девушка найдет более выгодную работу и уйдет.

Через несколько месяцев, вернувшись однажды с коллегами с ланча, Исияма увидел в приемной ожидающую его Касуми. Девушка прижимала к груди большой пакет с печатной формой и с удивлением, как школьница на экскурсии, таращилась на мраморную отделку приемной. В белой футболке, черном кардигане и хлопчатобумажных брюках мужского покроя, она сама походила на школьницу.

– Мориваки-сан! – официально обратился Исияма к Касуми как к представителю компании.

Девушка обернулась, на ее лице он прочитал разочарование. Похоже, ей хотелось еще немного оглядеться вокруг. Исияма пригласил Касуми присесть на диван, стоящий тут же, в приемной, и взял у нее из рук печатную форму. Пока он рассматривал форму, достав ее из пакета, Касуми с интересом наблюдала, как по просторному вестибюлю агентства туда-сюда шмыгают фотографии и модели. Исияма вспомнил, что Касуми мечтает стать дизайнером, и забеспокоился, что увиденное может расстроить девушку, но Касуми с явным наслаждением следила горящим взором за спящей перед ней разношерстной публикой, будто дело происходило в зоопарке.

– Непривычно?

– Да, забавно, – повернувшись к нему, ответила она с абсолютно серьезным видом.

Волосы у нее отросли и доставали теперь до плеч. Блестящие гладкие волосы – волосок к волоску. Прилипшая ко лбу челка, глубокий пупок – все это на мгновение промелькнуло в памяти Исиямы. Он невольно бросил взгляд на ее живот, туда, где сейчас проходила линия черного кардигана. Отводя взгляд, он успел заметить в том месте, где расходился кардиган, крепкую грудь, обтянутую футболкой. Исияма мысленно сочувствовал Митихиро – жаль, мол, что Касуми не осознает своей привлекательности.

– Как работа? Привыкла?

– Да, привыкла.

– Мориваки-сан тебя обучает? – памятуя об увлечении Митихиро, полюбопытствовал Исияма.

Касуми, потупившись, задумалась и через какое-то время ответила:

– Да, обучает. Только, похоже, сколько бы я ни училась, такой, как Мориваки-сан, мне никогда не стать.

Исияма смутился, не ожидая столь серьезного ответа.

– Так ведь ты же мечтала стать дизайнером, разве нет?

«И не надо тебе становиться как Митихиро», – хотел было продолжить Исияма, но Касуми отвела растерянный взгляд.

– Это так, но... – Похоже, она не находила нужных слов.

– Ты что ж, совсем забросила? Если у тебя по-прежнему есть интерес, может, у нас какие подработки будут. Только Мориваки-сан ни слова.

– Тогда не надо, – категорически отказалась Касуми.

– Ты что ж, такая преданная?

– Да нет, просто к чему эти сложности.

– Так ведь ты приехала в Токио, чтобы стать дизайнером.

– Да, но моя цель – выжить здесь самостоятельно.

Исияма был удивлен. Он только понял: дело совсем не в том, что Касуми отказалась от своей мечты, и не в том, что она примирилась с ситуацией, – просто у Касуми был совсем другой замысел. Исияма, которому жизнь в Токио не казалась привлекательной до такой степени, чтобы для кого-то это могло стать самоцелью, задумался. Он припомнил, как Митихиро сравнил девушку с диким зверенышем, и почувствовал, что тот попал в самую точку. Касуми просто пыталась выжить в этом городе. «Удастся ли Митихиро и в самом деле приручить ее?» – с любопытством стороннего наблюдателя подумал Исияма.

В один из воскресных вечеров, года за два-три до того, как Касуми вышла замуж за Митихиро, он случайно встретил ее в районе Синдзюку. К тому времени, вопреки предсказаниям большинства сотрудников, Касуми стала незаменимым человеком в «Мориваки-сэйхан». Она занималась учетом печатных форм, вела бухгалтерию, в которой Митихиро не был силен, занималась всеми административными вопросами. В те редкие моменты, когда Исияма заглядывал в офис к приятелю, Касуми с неизменным усердием писала что-то за своим рабочим столом, отвечала на бесконечные телефонные звонки, была вечно занята, загружена ворохом дел. Ну что ж, похоже, девушка преуспела в «выживании» – Исияма внезапно потерял к ней всякий интерес.

Однажды Исияма столкнулся с ней на улице в толчее, и его поразило ее безжизненное лицо. Он даже на секунду засомневался, стоит ли ему окликать девушку.

– Касуми-тян!

Девушка непроизвольно, будто пытаясь спрятаться, заслонила лицо бумажным пакетом с покупками. Исияма сделал вид, что не заметил ее замешательства оттого, что он застал ее витающей в облаках. Неожиданно для него самого Исияму тронула печаль на ее лице.

– Делала покупки?

– Да, вот свитер купила.

«Интересно, какого цвета?» Исияма постарался представить содержимое ее пакета. Ему всегда нравилось, как она одевается – скромно, но изящно. Вот и сейчас на ней было черное пальтишко строгого мужского покроя и красный шарф, при этом шарф был повязан как-то по-модному, нарядно. Что-то в ней говорило: она не такая, как окружающие.

– Какого цвета?

– Такого приятного небесно-голубого. Совсем я дурочка! Денег нет, а я вот... покупки делаю.

– Небесно-голубого, говоришь? Тебе подойдет.

– Ну, посмотрим, – поникшим, вовсе не характерным для нее голосом произнесла Касуми, и Исияма едва сдержался, чтобы не сказать: он готов купить ей столько свитеров, сколько она пожелает. Ему не стоило большого труда догадаться, что предложи он это девушке, она бы стала презирать его. Но и уйти просто так он не смог.

– Может, поужинаешь со мной? – пригласил он.

Случилось это как раз тогда, когда его свадьба с Норико, сокурсницей по художественному институту, была уже делом решенным. Тем не менее Исияма вдруг почувствовал неожиданный интерес к Касуми. Она не вписывалась в его представление о женщинах. Он смутно догадывался, что она совсем другая, не такая, как все те женщины, которых он знал.

Касуми с готовностью последовала за ним, но разговор не клеился. Что-то, видно, было не так. Исияме хотелось понять, что творится у Касуми в душе, он пытался разговорить ее, но девушка не была склонна к откровениям. После этого случая они еще несколько раз встречались, но каждый раз попытки Исиямы понять ее лишь отскакивали от непробиваемой стены скрытности. Похоже, ему не дано было узнать секрет ее очарования. Оставив эту затею, Исияма через полгода, как и планировал, женился на Норико. Началась семейная жизнь, обещающая быть благополучной и стабильной.

Теперь он видел Касуми, только когда бывал в «Мориваки-сэйхан». Услышав, что она выходит замуж за Митихиро, Исияма засомневался, сможет ли тот понять ее. При этом он чувствовал необъяснимую радость от того, что был единственным человеком, который видел тревогу на ее лице. Но скоро в потоке дней он забыл и об этом.

Два года назад, в апреле, Касуми сама неожиданно бросилась в лифте ему на грудь. Исияме никогда в жизни не забыть удивления, которое он испытал в то мгновение. Цвет глаз у нее был точь-в-точь таким же, как восемь лет назад в Синдзюку. Неприкаянный, тревожный взгляд. Женщина, которая замкнула от него свою душу, теперь сама протягивала ему ключи. Исияма пришел в замешательство. Он и сам не ожидал, но его сожаление от невозможности разгадать секрет Касуми стремительно переполнило душу, как подземные воды, вырвавшиеся наружу.

Пожалуй, он соврал, сказав, что та Касуми, которой она была до знакомства с ним, не интересовала его, что в молодости она не казалась ему привлекательной. Она понравилась ему с их первой встречи. Он не мог признаться ей в этом, возможно, потому, что ее скрытность в их памятную встречу в Синдзюку задела его за живое. И еще потому, что из-за этого им пришлось сделать большой крюк на пути друг к другу. Да, он не был до конца откровенен с Касуми.

Опустошив бутылку пива, Исияма направился в душ. В руках у него было банное полотенце, которым пользовалась Касуми. Он пустил воду и, сдерживая зевоту, стал размышлять о рабочих планах на завтра – эти мысли нагоняли на него тоску. Его работа не казалась ему интересной. Рекламный бизнес, которого тоже коснулся экономический кризис, не допускал рискованных идей. Новое поколение дизайнеров теснило стариков. Он хотел заниматься дизайном, а новое время требовало от него выполнять и функции менеджера по работе с клиентами – полностью координировать рекламный проект. Для Исиямы такое смешение обязанностей было мучительным. Где-то в глубине души он уже начал подумывать, не бросить ли работу. Признайся он в этом Касуми, она могла бы усомниться в его любви, решив, что их отношения лишь предлог для покупки дачи, а на самом деле он просто хочет уйти с работы. Он вдруг почувствовал неуверенность. Может быть, причина в том, что он не до конца доверяет Касуми? А Касуми – доверяет ли она ему? «Рискованная затея», – вспомнил он ее слова. Разве это не было доказательством того, что идея ей не по вкусу? У страха глаза велики. Должно быть, это очередная западня любви. Сомнения рождаются от невозможности безраздельно владеть любимым человеком. Это одна из разновидностей ревности, заключил Исияма. Именно поэтому при встрече с любимым сомнения растворяются, и

чем глубже страхи, тем больше радость, которая приходит им на смену. Исияма мысленно вообразил себе мостик, перекинутый между ним и Касуми. Тот был прочнее и упруже, чем они сами осознавали. И если их любовь не дрогнула, пройдя сквозь испытания, то чего же он боится? Так размышлял Исияма.

Такси остановилось у его дома. В темноте сладко пахла гардения, посаженная по желанию Норико вдоль ограды. В их районе, где раньше было много особняков, новое поколение владельцев постепенно уничтожило просторные сады и на их месте строило небольшие дома на продажу. Дом Исиямы, перешедший ему по наследству от родителей, сохранил свой изначальный вид.

Исияма открыл ключом запертую дверь. В прихожей горел свет, но весь остальной дом был погружен в темноту. Потянув время в гостинице, ему, похоже, удалось избежать разговоров с Норико. Исияма поднялся по лестнице – деревянный пол еле слышно поскрипывал под ногами. Тихонько приоткрыл дверь спальни, расположенной на втором этаже в конце коридора, и услышал, как скрипнула кровать, стоящая у окна.

– Свет не включай, а то в глаза будет бить, – заворчалась в постели Норико.

Почти в полной темноте Исияма стал переодеваться. Норико втянула носом воздух, принюхиваясь.

– От тебя каким-то незнакомым мылом пахнет.

– Да в баре, наверное, руки мыл, – опешил Исияма и, нахмурившись, повернулся к жене спиной.

Норико не на что было пожаловаться в этой жизни.

Они стали встречаться еще в студенчестве, развлекались вместе, были неразлучны.

У его жены был хороший вкус, да и с домашними делами она справлялась прекрасно. Когда младший сын пошел в детский сад, она вернулась на прежнюю работу в небольшую дизайнерскую компанию. Всегда ухоженная и молодящаяся, она была из разряда тех женщин, которых легко можно представить на обложке какого-нибудь женского журнала. Любой мужчина был бы счастлив, обзаведись он такой женой, как Норико. По выходным детей всегда ждала вкусная еда, да и домашняя выпечка была не редкостью, как у всякой хорошей матери. В течение недели она с удовольствием ходила на работу, по дороге заскакивала за продуктами, заодно могла купить себе что-то из одежды или книги. Одним словом, Норико могла распоряжаться своей жизнью по своему усмотрению. За Норико можно было не беспокоиться. В отличие от Касуми она никогда не могла просто взять и исчезнуть. У нее не было скрытого, незнакомого ему мира. Мир Норико был точь-в-точь таким, как и мир людей, окружающих Исияму. Другими словами, таким, о котором можно прочитать в журнале или увидеть в кино, – понятный ему мир. С Норико его ждала жизнь, которую он мог предсказать, – жизнь, которая читалась на много лет вперед.

Есть ли прелесть в жизни, где нет места глупостям? Что могло связывать «ситроен» – выбор Норико – и метро, в котором вечно приходилось, стоя, трястись Касуми. Белизну модного офиса Норико и тени от жалюзи в «Мориваки-сэйхан», где окна выходили на запад и потому во второй половине дня в них било солнце. Почему второе ему казалось более наполненным, значительным?

Их нельзя сравнивать – сколько ни одергивал себя Исияма, все эти мелкие сравнения, клекотавшие в нем, заставляли его страдать.

– Вечером звонил какой-то Идзуми, – кутаясь в одеяло, приглушенно пробормотала Норико.

Идзуми был застройщиком дачных участков у озера Сикоцу. Вспомнив, что во время их последнего разговора он обещал сам позвонить Идзуми, когда примет решение, Исияма почувствовал, что тот пытается немного надавить на него.

– Ты что, дачу собрался покупать? Этот господин сказал, что завтра будет ждать твоего звонка. – В голосе Норико послышался упрек.

Наверняка она злилась, что он ни словом не обмолвился о своих планах, не спросил ее совета.

– Я как раз собирался посоветоваться с тобой... Рядом с Сикоцу дом выставлен на продажу. Земля эта раньше принадлежала железнодорожной госкорпорации. В горах, недалеко от самого озера... Там рек много, можно на рыбалку ходить, – стягивая рубашку поло, оправдывался Исияма.

– Не слишком ли далеко? – равнодушно поинтересовалась Норико.

– Минут тридцать от Титосэ. Близко.

– Да и дорога недешевая.

– Мы же не часто будем ездить. Я эту покупку больше как капиталовложение рассматриваю.

– Ну, если как капиталовложение, тогда ладно. Хочешь, с отцом поговори.

Слово «капиталовложение», похоже, убедило Норико. Ее отец работал в банке.

– Да нет, не стоит.

Исияма переоделся в чистое нижнее белье и футболку и лег в постель. Норико слегка пошевелилась.

– Мыться не будешь? Ты что, пьян?

Чувствуя себя виноватым, Исияма вместе с тем еле сдержался, чтобы не заорать: «А тебе-то не все ли равно?» Раньше, когда Исияма чувствовал, что жена в чем-то подозревает его, он изо всех сил начинал оправдываться. В последнее время это стало его тяготить. Ну и пусть догадается, в отчаянии думал он. Такой сильной была его любовь к Касуми. Без нее жизнь стала казаться ему невозможной. Покупаю дачу, принял решение Исияма.

– Если купим дачу, летом поедem туда все вместе?

– Ну, можно, – сонным голосом ответила Норико.

– Пригласим семью Мориваки.

– Зачем?

– Мориваки давно меня просят научить его рыбачить.

В ответ на эту ложь он услышал сонное дыхание жены. Исияма вздохнул с облегчением и крепко зажмурил глаза. Он попытался вспомнить, как выглядит Масаёси Идзуми – человек, позвонивший ему сегодня по поводу дачи.

Дело было так. В прошлом месяце во время командировки в Саппоро Исияма увидел объявление о продаже дачи и поехал посмотреть участок. Господин Идзуми сам взялся отвезти его на своем внедорожнике и показать дачный поселок Идзумикё. Семидесятилетний Идзуми был его владельцем. Он рассказал, что вместе с женой живет в этом поселке. Волосы у него были седыми, но спина прямой, а в резких, порывистых движениях чувствовалась решимость. Стариком назвать его не поворачивался язык, ему скорее подошло бы «мужчина в годах».

Когда пришло время Исияме возвращаться в Токио, Идзуми повез его в аэропорт в Титосэ.

– Говорите, рыбной ловлей увлекаетесь? Спиннербейт?

– Да, мне больше нравится на спиннербейт.

– Я обычно вот на этой машине еду, смотрю, где будет ловиться, ставлю там палатку и ночую. Палатка у меня всегда с собой.

– Здорово. О таком только мечтать приходится.

– Да уж, это точно, – рассмеялся Идзуми и посмотрел на Исияму. – Кстати, а вы как насчет охоты? Если есть интерес, могу в следующий раз пригласить.

Исияма отрицательно покачал головой, на что Идзуми продолжал:

– Я на пятнистого оленя охочусь. Еще до того, как запрет на его отстрел сняли, я знал места, где можно было на него охотиться. Такой городишко есть – Сиранукатё. Олень ведь считается вредителем. Отстреливай – не хочу. Охотники в свои внедорожники по несколько штук загружали. Там вся дорога красная была от крови.

«Неужели он в этой машине перевозил мертвых животных?» Исияма невольно оглянулся и бросил взгляд на заднее сиденье.

– И вам это нравится?

– Конечно, нравится.

– Так ведь живое убиваете.

Исияма стал смотреть на обочину асфальтовой дороги, бегущей по невозделанным полям. Со странным чувством он рассматривал березовую лесопосадку, тянущуюся метров двести вдоль дороги, – неестественно прямые деревья напоминали колоннаду. «Рассказ Идзуми о дикой природе как-то не вяжется с искусственностью этих лесонасаждений», – размышлял Исияма.

– А вы что же, пойманную рыбу отпускаете? – поинтересовался Идзуми глубоким, хриплым голосом.

– Отпускаю.

– Так израненная рыба все равно не жилец. То же самое убийство выходит. Мужчины на Хоккайдо таким самообманом не занимаются. В нас, верно, течет кровь охотничьих племен.

Исияма промолчал. Старик ткнул пальцем в реку под мостом, по которому они ехали. Река спокойно несла свои полные воды – здесь наверняка водилась сима⁷.

– Попробуй приди сюда часов в пять. И стар и млад, и мужики и бабы – полно людей собирается. Ловят закуску на ужин.

Поживи такой жизнью – может, и вправду любой изменится. Слова Идзуми об «охотничьих племенах» привлекли внимание Исиямы. Где-то в дальнем углу его памяти засел их разговор с Митихиро о Касуми, когда тот назвал девушку «диким зверенышем». В Касуми было что-то ему неведомое. Что-то, чего он и не мог знать, так как не принадлежал к «племени». У него будет свой дом на земле, где родилась Касуми. Это было одной из причин, по которой он так ухватился за свою идею. «Вот дурак!» – лежа в темноте, сам над собой засмеялся Исияма.

⁷ Сима – рыба из семейства лососевых.

Глава 2. Предчувствие воды

1

Она там, где должна была когда-то очутиться? Она вернулась на Хоккайдо по своей собственной воле, так почему же у нее такое чувство, будто что-то заставило ее сюда приехать? И этим «чем-то» не был Исияма. Исияма обладал магнетизмом, но не относился к категории мужчин, способных подчинять других своей воле. Если бы она сказала «нет», он никогда бы не стал настаивать. Может быть, ее привела сюда страстная потребность видеться с ним? Но это было так не похоже на нее. И хотя она все решила сама, Касуми чувствовала беспокойство, как бывает, когда сидишь на неудобном стуле. В такие моменты, как правило, и происходило что-то плохое. Чем-чем, а интуицией Касуми обладала с самого рождения. Она внимательно оглядывалась по сторонам.

В отличие от Хонсю леса здесь были буйными: казалось, они так и растут с первобытных времен. Дуб курчавый, липа японская, пихта сахалинская. Это была территория национального парка, и на деревьях, растущих вдоль дороги, были добросовестно прикреплены таблички с названиями. Юка, только недавно выучившая катакану⁸, вслух одну за другой читала надписи, пока это занятие ей не наскучило и она не заснула. В глубине леса было сумрачно. Деревья сливались в одну темную массу цвета мха и черной, влажной земли.

Исияма за рулем «паджеро» молча показывал пальцем на что-то впереди. Внезапно их взору открылось озеро Сикоцу. Касуми и Митихиро почти одновременно увидели водную гладь. Небо абсолютно не отражалось в мутной, серой воде. Поверхность озера была настолько гладкой, что казалось, это и не вода вовсе, а какое-то другое вещество, чья огромная масса вот-вот хлынет через край. Подавленная огромным, превосходящим человеческое воображение количеством воды, Касуми тяжело дышала, как тогда в детстве. Она отчетливо вспомнила, как правой щекой ощущала надвигающееся на нее пространство темной воды. Касуми, стараясь не смотреть на озерную гладь, перевела взгляд на береговую линию, усыпанную круглыми гладкими камнями.

«Паджеро», пристроившись за машиной с туристами, медленно обогнул озеро. Затем они снова выехали на горную дорогу. Немного спустя справа появилась узкая дорожка с потрескавшимся асфальтовым покрытием. Над ней висела белая вывеска в форме арки, с выступившей на ней ржавчиной. На вывеске большими буквами было написано: «Дачный поселок Идзумикё», ниже – «Вход только для домовладельцев». Крохотный дачный поселок на горе.

– Отсюда до дома надо подниматься в гору, а если по этой дороге поехать прямо, попадешь к горячим источникам Оодзаки. Раньше, говорят, этой дороги не было, и сюда добирались с противоположного берега на корабле, – объяснил Исияма Митихиро.

– Как это так получилось, что на территории национального парка построили дачный поселок? – без особого интереса спросил Митихиро.

– Правда странно. Говорят, земля эта принадлежала железнодорожной госкорпорации. Потом, по рассказам, земли распродали частным лицам, но это единственный дачный поселок рядом с Сикоцу.

– Да что ты говоришь, – с ноткой сарказма в голосе вторил ему Митихиро, всем своим видом показывая, что ему-то такая покупка не по карману.

⁸ Катакана – одна из двух слоговых азбук, используемых в японском языке.

Юка и Риса крепко спали вповалку, прильнув друг к другу. Когда впереди возникло большое горное озеро, атмосфера в машине немного разрядилась – наконец-то конечная цель путешествия была близка. Взгляд Касуми встретился в зеркале заднего вида с глазами Исиямы. «Я соскучился. – Его поспешный взгляд сказал то, чего он не мог позволить себе произнести вслух. – Так хочется тебя обнять!»

– Чувствуешь ностальгию? – повернулся к ней Митихиро.

Касуми с недоумением посмотрела на мужа. Она так тосковала по Исияме, что ей ошибочно слышался какой-то намек в словах мужа.

– По чему?

– По чему? Ну, по Хоккайдо, разумеется!

– Да, конечно, – сдерживая биение сердца, уклончиво ответила Касуми и снова уставилась в окно.

– Касуми-сан, а где ты родилась на Хоккайдо? – На этот раз вопрос был задан Исиямой.

– Есть такой округ Румой. Там – маленькая деревушка на берегу моря.

– Я бы не отказался туда съездить. Хорошее, наверное, место, – не глядя выходясь, произнес Исияма.

– Да Токио получше будет, – засмеялась Касуми.

Она уже смирилась, что никому не понять ее чувств.

– И что же хорошего в Токио? – Исияма снизил скорость. – Полно народу, воздух грязный...

– О, кстати, сегодня утром ужас что было, – вставил Митихиро.

И правда, такое утро, как сегодня, когда казалось, что нечем дышать, случалось нечасто. Смог стоял стеной плюс духотища – даже при плотно закрытых окнах и включенном кондиционере казалось, что выхлопные газы все равно просачиваются в помещение. Окна в машине были открыты, и Касуми вдохнула влажный, прохладный воздух с гор. Она вспомнила утренний разговор с Митихиро.

– Это все вещи? – спросил Митихиро, показывая на собранный Касуми с вечера чемодан.

Касуми кивнула. На самом дне чемодана вперемешку с детскими вещами были спрятаны несколько пар нового нижнего белья. То, что Митихиро должен был нести этот багаж, снова заставило ее терзаться мыслью о собственном предательстве. Ничего не подозревавший Митихиро отнес чемодан и бумажный пакет в прихожую. В пакете – две бутылки вина, которые Митихиро лично выбрал в подарок для Норико.

– Ничего не понимаю в вине, купил какое-то дорогое. Честно говоря, мне неудобно. По-хорошему, это мы должны были пригласить его куда-нибудь. Он наш клиент как-никак.

С тех пор как они получили приглашение от Исиямы, Митихиро был в замешательстве и все беспокоился о том, как к этому отнесется Норико.

– Да ладно тебе. Исияма-сан тоже чувствовал себя неловко. Проезд все-таки недешевый.

– А зачем тогда приглашал? – недоумевал Митихиро. – Ну зачем? Как думаешь? Обычно наоборот бывает.

– Ты думаешь?

В последнее время Митихиро брюзжал по поводу и без повода.

– Пригласил просто потому, что он твой приятель, – отводя взгляд, ответила Касуми.

– Может, и так. Исияма последнее время как-то необычайно внимателен ко мне.

– Ты же все время как на иголках, тут любой забеспокоится.

В такие моменты Касуми сама удивлялась, откуда только в ней берется эта холодность. Хотя причина была в ней, она ненавидела Митихиро за его толстокожесть, за то, что он не замечал, что с ней что-то происходит.

– Кризис и все такое.

Экономический спад был лишь одной из причин, проблема была еще и в складе характера Митихиро, который оставался упертым ремесленником, не способным меняться, как того требует время. Но Касуми предпочитала об этом молчать.

– Кстати, о Хоккайдо, – посмотрев на Касуми, произнес Митихиро. – Ты ведь давно там не была.

– С тех пор, как окончила школу.

– Иногда не помешало бы навещать родных.

– Да уж, – отделалась смешком Касуми.

В свое время она рассказала Митихиро, что с родителями отношения у нее не сложились, она сбежала в Токио и потом не связывалась с ними. Непонятно, убедило ли Митихиро подобное объяснение, но, похоже, он понял, что были какие-то обстоятельства, и расспрашивать не стал. Когда они поженились, ей пришлось отправить запрос по месту рождения о предоставлении выписки из книги посемейной записи. При желании, зная, откуда поступил запрос, родители могли установить место проживания Касуми, но ничего не произошло. Порадовавшись, Касуми продолжала жить, выбросив это из головы. Заботила ее лишь она сама. И если с кем-то она действительно хотела бы встретиться, так это были не родители, а Фуруути. Визитку его она давно выкинула, но сожалеть об этом перестала только по прошествии времени. Сейчас ее душу переполняла тоска по Исияме и сочилась из нее капля за каплей.

– А ты, мамочка, раньше была на Хоккайдо? – Юка, слышавшая разговор родителей, легонько похлопала Касуми по руке.

Эта манера перетягивать на себя материнское внимание была такой очаровательной – Касуми сжала обеими ладонями нежные щечки дочурки. Довольная Юка рассмеялась, делая вид, что ей щекотно. Пятилетняя Юка была любимицей Касуми.

– Нет, не была.

– Неправда, была.

– Сказала же тебе, не была.

Она смотрела на Юку – короткая стрижка каре, заколочки с обеих сторон – и видела себя в детстве. Касуми всматривалась в лицо дочери. Дети возвращают нас в то время, о котором мы забываем. Юка, не удовлетворенная ответом матери, пошла к отцу, который обувался в прихожей.

– Папа, а мамочка была на Хоккайдо?

– Хм, я не знаю, – слукавил Митихиро.

– У нас бабушка и дедушка только твои мама и папа, так ведь?

– Мама у нас одна-одинешенька. – Только это было правдой в словах Митихиро.

Брошенная родина, куда она никогда не собиралась возвращаться, перестала ощущаться как нечто реально существующее. Даже сама ее жизнь на Хоккайдо теперь казалась ей чем-то происшедшим с ней во сне. Чтобы положить конец этому разговору, Касуми стала поторапливать детей на выход.

В самолете настроение у Юки испортилось. Касуми было неудобно сидеть, обняв Рису, обмякшую во сне, как тяжелая резиновая кукла, она старалась развлечь Юку, обсуждая с ней происходящее за бортом самолета. За иллюминатором виднелись голубое небо и белоснежное море облаков.

– Посмотри! Море из облаков. Ну посмотри же, как красиво! Ты же так хотела полететь на самолете.

Сколько Касуми ни старалась, Юка лишь мельком бросила взгляд на вид за окном и весь полет сидела потупившись, вжав в кресло свое не по годам маленькое тело. Митихиро, обещавший дочери снимать в дороге видео, заснул, как только они оказались на

борту, – чтобы взять длинный отпуск, ему в последнее время приходилось работать по ночам. «Наверное, поэтому девочка расстроена», – подумала Касуми.

– Папа устал. Видео мы попозже обязательно поснимаем.

– Мне все равно, – как взрослая, отреагировала Юка.

– Тогда что не так? – спросила Касуми, хотя ей уже порядком поднадоело заискивать перед дочерью.

Ее душа, опережая время, уже была вместе с Исиямой. В салоне было холодно, и тело Касуми покрылось гусиной кожей.

– Сказала, не поэтому, – мотнула головой Юка. – Просто не хочется ехать, и все.

– Тебе понравится. Рядом с дачей большое озеро, Сикоцу называется. Можно на лодке кататься. Там тебя ждут Рурико-тян и Рюхэй-кун. Рурико – семь, а Рюхэю – четыре годика. Почти твои ровесники.

Юка сжала губы, показывая всем своим видом, что провести ее не удастся, и ничего не ответила. Куда только подевалась ее утренняя веселость? И что так испортило ей настроение? Может, то, что она соврала дочери о своей родине? Или дочка догадывается об их с Исиямой тайном плане? Нет, это невозможно. Касуми зябко потирала плечи, пытаясь утихомирить свою страсть и порожденные ею сомнения. Касуми снова посмотрела в иллюминатор: в разрыве облаков неожиданно близко выглядывал черный пик горы. У Касуми по спине пробежал холодок. Под яркими облаками притаилась черная гора – это открытие заставило Касуми содрогнуться. Внезапно в памяти всплыли мощные звуки прибоя и завывание ветра, гулявшего по полям в тот день, когда она убежала из дома. Может быть, она ошибалась, думая, что это было последней попыткой мира, который она покидала, оказать ей сопротивление, а на самом деле все это лишь предвестие грядущих бед? Но ее ждал Исияма. И разве само свидание с ним не было ее «побегом»?

Спина Исиямы была прямо у нее перед глазами. Касуми представила его тело, скрытое под серой футболкой. Потом себя, придавленную тяжестью этого тела. В этом мире есть единственная неопровержимая истина – одно тело в объятиях другого. Истина, которую можно понять, только когда два тела сливаются в одно. И только ради нее стоит преодолевать все трудности, ждущие тебя впереди, размышляла Касуми. Ее подавленное состояние объяснялось предстоящей встречей с Норико.

«Паджеро» проехал под аркой и стал взбираться по горной дороге, настолько узкой, что двум машинам на ней было явно не разъехаться. Вскоре появилось одноэтажное здание офиса. На нем – маленькая табличка «Администрация дачного поселка Идзумикё», вокруг заросли ярко-желтого золотарника, высоченного тысячелистника и посконника, который легко спутать с патринией. Касуми вспомнила холм, на котором стояла ее средняя школа, – вид знакомых до слез цветов Хоккайдо завораживал. Митихиро заметил, что на заднем дворе на специальных шестах для сушки аккуратно развешаны вещи – простыни, полотенца, – и поинтересовался у Исиямы:

– Здесь что же, все время кто-то живет?

– Да, управляющий Мидзусима-сан. Он раньше служил в силах самообороны. Просто кладезь знаний. Он мне рассказал, где тут хорошие места для рыбалки.

От здания администрации дорога пошла резко в гору. Вдоль дороги с обеих сторон тянулся густой девственный лес. Чем выше машина поднималась в гору, тем сильнее становились ароматы леса и запах горной сырости. Запах был таким густым и насыщенным, что в машине стало тяжело дышать.

– А сколько в поселке дач?

– Всего семь. А сейчас здесь только мы и еще одни жильцы. А вот, кстати, дом застройщика, господина Идзуми. Поэтому поселок и называется Идзумикё.

Большой дом с красной крышей находился метрах в ста от офиса. Вдоль склона дороги отлогие газоны, вокруг пышно цвели подсолнухи и космеи. Дом был построен добротнo, как строят в северных широтах: с двойной дверью на входе и двойными рамами окон, но при этом выглядел элегантно, будто на открытке с видами Швейцарии. Сбоку от дома – гараж, в нем – старый, солидного вида внедорожник.

– Интересно, как они зимой здесь живут? Без машины тут смерть, – безучастным тоном проворчал Митихиро.

– Да, говорят, все замерзает. Зимой сюда дорога заказана.

– В таком месте дачу иметь не роскошь ли? – озадаченным тоном спросил Митихиро, но Исияма совершенно серьезно ответил:

– Ну, не то чтобы совсем невозможно жить. Вон, Идзуми-сан живет же.

– А как же работа?

– Работать можно по свободному графику.

– Да, дизайнером быть хорошо. Больше свободы, – завистливо рассмеялся Митихиро.

В ответ Исияма лишь загадочно улыбнулся и посмотрел в зеркало на Касуми. Возможно, он только что озвучил план, который припас себе на будущее. Касуми это радовало, но, с другой стороны, для нее, не понаслышке знающей, насколько суровы зимы на Хоккайдо, этот план звучал наивной волшебной сказкой. Ее не отпускала смутная тревога, которую рождала в ней эта земля. «Не иначе как из-за близости большого озера», – размышляла она. Здесь, как и в родной деревне, ее не покидало ощущение близкого присутствия воды. Для Касуми водное пространство не было чем-то успокаивающим. Для нее это был символ суровой дикой природы, которой человек не в силах противостоять. Исияме, похоже, беспокойство Касуми не передавалось. Крошечное несовпадение между двумя людьми, которые должны были быть друг другу вторым «я». «Не надо было уезжать из Токио, не надо было возвращаться сюда», – досадовала и раскаивалась Касуми.

Когда они проехали мимо дома некоего Тоёкавы – владельца сети питейных заведений в развлекательном районе Сусукино, – дорога резко оборвалась. Они добрались до вершины горы. Отсюда до офиса управляющего было чуть больше двухсот метров. На открытом пространстве, где спокойно могли разместиться несколько машин, стоял темно-синий джип.

– Это что, парковка? – спросил Митихиро.

– Здесь разворачиваются. Дорога-то узкая, двум машинам иначе не разъехаться.

По правую руку вверх под углом шла крутая бетонная лестница. Наверху располагался дом Исиямы. Двухэтажное здание из толстых бревен, выстроенное по подобию домов Северной Европы. Перед домом – небольшой садик, засеянный травой, такой же, как перед домом Идзуми. На качелях, выкрашенных в белый цвет, качалась, разглядывая прибывших, девочка. Видимо, старший ребенок Исиямы – Рурико. Касуми помахала ей рукой, и девчушка радостно соскочила с качелей и подбежала к лестнице.

– С приездом. Не стесняйтесь, будьте как дома. – В сопровождении двух детей вниз по лестнице спускалась Норико.

Она была изящно одета в длинную юбку из индийского ситца и футболку в тон. Они не виделись несколько лет. Касуми нервно сглотнула. Нельзя было допустить, чтобы Норико о чем-нибудь догадалась. Касуми вовсе не хотелось ощутить свое поражение, но в присутствии Норико она чувствовала себя очень неловко. На нее вдруг навалилась ужасная усталость от всех этих переживаний, смешавшихся в ее душе в одну кучу. Больше всего Касуми не любила, когда стесняется. Душа ее начинала рваться на свободу. Исияма с сияющей улыбкой стоял рядом с женой. Пытаясь брать с него пример, Касуми натянуто улыбнулась. Норико же держалась приветливо и непринужденно. Касуми показалось, что жена Исиямы взяла инициативу в свои руки.

– Добро пожаловать! Давно не виделись.

– Большое спасибо за приглашение, – церемонно поблагодарил Митихиро. – Мы и так многим обязаны Исияме-сан, а теперь еще и вас дерзнули потревожить.

– Ну что вы, что вы! Это Исияма-сан вам обязан. Здесь, конечно, глухомань, но вы располагайтесь, пожалуйста, почувствуйте себя как дома. Дети тоже ожидали вас всех с нетерпением.

Слова из уст Норико лились как музыка, лаская слух. Дети Исиямы молча разглядывали прибывших гостей. Семилетняя Рурико – большие глаза, коренастое телосложение. Чертами лица она походила на Исияму. Четырехлетний Рюхэй, в противоположность сестре, был белокожим и хрупким. Лицо спокойное, как у матери.

– Хорошее место.

Касуми взяла немного напрягшихся детей за руки и поднялась по крутой каменной лестнице.

– Вы так считаете? С покупками здесь тяжело, ужасно неудобно. Я, конечно, сдалась, но только потому, что Исияма может здесь своей любимой рыбалкой заниматься, а сама я сюда больше приезжать не собираюсь. Но если вам здесь понравится, приезжайте в любое время, не стесняйтесь, – полушутя произнесла Норико, делая вид, что сердится на Исияму.

– Ну что вы, что вы, – подыгрывая ей, в тон ответил Митихиро.

– Здесь тропы нигде не проложены, ни в горы не сходить, ни в лес. Без машины – никуда. Я прямо в растерянности, заняться совершенно нечем. Мне Саппоро больше по душе.

«Ни моя жена, ни Мориваки-сан туда ездить не будут», – пришли Касуми на память слова Исиямы. Ей даже стало как-то не по себе оттого, что все шло, как они и задумали.

– Зато детям здесь раздолье, – вмешался Митихиро.

– Это правда. И все же хотелось бы иметь под рукой теннисный корт, бассейн, небольшой продуктовый магазинчик, как это обычно бывает в дачных поселках.

Исияма горько усмехнулся.

– Да ладно вам! Ну нет тут ничего, ну и что. Лично мне здесь нравится.

– Тебе тут нравится, потому что есть рыбалка.

– А почему бы и тебе не попробовать? Интересное занятие, между прочим.

– Ну конечно. Что я ловить буду?! Закуску на ужин? Каждый вечер есть одну нерку тебе быстро надоест.

– Так много тебе не поймать. Ты явно себя переоцениваешь!

Это был разговор двух живущих в мире супругов. Касуми почувствовала себя неловко. Митихиро тоже, смутившись, стоял, глядя в сторону озера. Сикоцу за высокими деревьями видно не было. Юка и Риса сразу же побежали в сад. Дети Исиямы обиженно наблюдали за девочками, занявшими их качели. Периодически они протестующе поглядывали на мать, ища ее поддержки. Касуми вздохнула с облегчением, когда у нее появился повод отойти, чтобы сделать девочкам замечание.

– Кстати, Мориваки-сан, вы пообедали?

– Да так, немного, – соврал Митихиро, стесняясь сказать правду.

До ближайшей забегаловки, рассчитанной на туристов, нужно было спускаться к озеру, а готовить обед на чужой кухне дело хлопотное. Дети ели мало и, несомненно, предпочитали развлечения еде. Услышав ответ Митихиро, Касуми почувствовала облегчение.

– Особо угостить вас нечем, но на всякий случай я приготовила бутерброды. Если захотите, можете перекусить, – тактично предложила Норико.

– Да нет, спасибо.

Исияма как ни в чем не бывало, проигнорировав стеснение Митихиро, заговорил про ужин.

– Вечером поедem в ресторанчик на берегу поесть чингисхан⁹. А сейчас немного передохнем.

– Так и поступим, – не стал возражать Митихиро и бросил взгляд на Касуми. – Хорошо?

– Да.

– А потом по пиву?

Услышав ответ Касуми, мужчины подхватили вещи и направились к дому. Касуми не знала, как ей поступить. По-прежнему чувствуя себя неловко, она продолжала стоять рядом с Норико. В нерешительности переминаясь с ноги на ногу, Касуми размышляла, стоит ли ей присоединиться к детям, которые развлекались в саду, или это будет невежливо по отношению к хозяйке. Собственная неловкость казалась ей смешной. Касуми никак не ожидала, что Норико окажется такой приветливой и дружелюбной. Прозрачные лучи послеобеденного солнца слепили глаза. Норико, прищурившись от яркого света, посмотрела на Касуми и рассмеялась.

– А ведь мы и правда давно не виделись. У вас все нормально?

– Да. Вы тоже бы иногда к нам заглядывали.

– Похоже, Исияма и так вас часто тревожит своими визитами.

Норико вежливо поклонилась. Касуми хранила неловкое молчание.

На мгновение улыбка исчезла с лица Норико, и она отрешенным взглядом посмотрела на лес. Касуми интуитивно догадалась, что это было связано с Исиямой. Ей было мучительно осознавать, что она, возможно, и была причиной, по которой страдала Норико.

Между тем, встретившись с Норико, она почувствовала зависть оттого, что у них с Исиямой общие дети, что они живут под одной крышей, но вместе с завистью в ней росло странное чувство солидарности с этой женщиной – они любили одного мужчину.

– Касуми-сан, а вы на Хоккайдо раньше бывали? – неожиданно спросила Норико.

– Да, бывала. – Она не смогла признаться, что родилась и выросла здесь.

– Знаете, мне здесь как-то не по себе.

– В каком смысле?

– Даже не знаю, как объяснить. Есть что-то зловещее в этой огромной листве. Такое чувство, что попал в первобытную эпоху, так и кажется, что из леса вот-вот высунется голова динозавра. – Норико смущенно засмеялась, осознавая, как глупо это звучит. – А еще это озеро, Сикоцу. Разговаривала тут с Мидзусимой-сан, и он сказал, что Сикоцу – вулканическое озеро и поэтому его дно усыпано ветками всякими, корягами, так что когда вода прозрачная, то кажется, что по дну раскиданы белые кости. А еще говорят, что это останки животных, которые зацепились за коряги и потому не всплыли на поверхность. Как-то не по себе мне от всего этого.

Выходит, что Норико чувствовала то же самое, что и Касуми. Ни Исияма, ни Митихиро не замечали ничего особенного в окружающей природе, и только у них с Норико ощущения странно совпадали.

– Ой, ну что-то я разболталась. Касуми-сан, много приходится работать? В вашем бизнесе тоже сейчас не лучшие времена, – умело перевела разговор на другую тему Норико.

– Да уж, работы почти нет.

– Что поделаешь, сейчас везде кризис, – уклончиво ответила Норико.

Ей, похоже, совсем не хотелось ввязываться в серьезный разговор. А может быть, просто не было никакого дела до производства печатных форм.

– Касуми-сан, если надумаете что-нибудь приготовить, не стесняйтесь, используйте наши продукты. У нас и риса, и яиц достаточно. Если же не побрезгуете, можете есть то, что я приготовила.

⁹ Чингисхан – блюдо из баранины и овощей, приготовленных на выпуклой сковородке-гриле.

– Простите, что причиняем вам столько хлопот, – потупилась Касуми, как нищий студент.

Касуми, сама мать двоих детей, в присутствии Норико чувствовала себя незрелой, ни на что не способной девчонкой. Касуми с Исиямой приехали сюда, держа за пазухой тайну измены, а его жена была так обходительна и вежлива с ней. Понимает ли Исияма ее замешательство? Скорее всего, это было еще одно несовпадение между ними.

Во второй половине дня дети, перестав стесняться друг друга, развлекались в саду, позабыв обо всем на свете. Так как дача находилась в самой глубине поселка, опасаться машин не приходилось. Лес вокруг был таким густым, что в нем не было даже тропинок, где можно заблудиться. Только каменная лестница представляла опасность, а в остальном за детей можно было не беспокоиться.

Внутри дома на первом этаже располагались ванная, кухня, сбоку от входа – комнатенка в четыре с половиной дзё¹⁰, которая использовалась под гардеробную, и большая гостиная с высотой потолка в два этажа, на втором этаже – три большие спальни. В одной из них расположилась Касуми с семьей. Немного передохнув, взрослые собрались в гостиной. Обстановка была незатейливой, но имелись камин и мягкий диван с матерчатой обшивкой. На камине стоял большой горшок, в нем букет белых полевых цветов, сам камин был украшен красивыми ветками деревьев и листвой. Норико предложила им клуб-сэндвичи, разложила по тарелкам салат с орехами. Касуми не вмешивалась.

– А здесь медведи из леса не выходят? – посмотрев на играющих в саду детей, озабоченно поинтересовался Митихиро, впервые приехавший на Хоккайдо.

Исияма открыл банку пива и протянул ее Митихиро.

– Я интересовался у Мидзусимы-сан. Говорит, бывает, что и выходят, только сюда не доходят. Не беспокойся.

«Местные жители в горах всегда больше всего боялись встретиться с медведем», – рассеянно размышляла Касуми, когда поймала на себе взгляд Исиямы, сидящего напротив за столом. Она подняла взгляд, и глаза их лишь на секунду встретились. Этого было достаточно, чтобы у нее от радости сердце чуть не выскочило из груди. Когда Исияма смотрел на нее, его взгляд становился не таким, каким он смотрел на других людей, более мягким, более мужским. Вероятно, то же самое происходило и с ней. Касуми заволновалась, не замечают ли окружающие горячие, плотные волны, исходящие от них, и украдкой бросила взгляд на мужа и Норико. Эти двое продолжали обсуждать медведей.

– Медведи ведь плавать умеют.

– Не хотелось бы мне плыть на лодке по Сикоцу и встретить медведя.

– Это уж точно.

Норико весело рассмеялась. Митихиро, похоже, расслабился, увидев, что жена Исиямы оказалась такой приятной в общении. Он, не скрывая своей симпатии, без умолку говорил, обращаясь только к ней. Норико, похоже, тоже была не против поболтать с ним. Изредка она обеими руками собирала рассыпавшиеся по скатерти хлебные крошки и старательно стряхивала их в пепельницу. Когда мужчины тушили окурки, крошки загорались и комната на какое-то мгновение наполнялась запахом поджаренных ломтиков хлеба. Норико относилась к разряду женщин, знающих цену тепла семейных сборищ. Более того, ее, судя по всему, не тяготило общение с друзьями мужа. Несмотря на очевидные различия – возраст, окружение, стиль жизни, – у нее хватало мудрости не дать почувствовать эту разницу гостям. Она искренне обрадовалась вину, которое преподнес ей Митихиро.

– Я сама такое дорогое вино ни разу не покупала. Спасибо, очень тронута.

¹⁰ Дзё – мера площади. Примерно равняется 1,65 м².

Касуми вспомнила утонченных, изящных друзей Норико, которых она видела у нее на свадьбе. Вкусы и наряды, говорящие о времени и средствах, затраченных на них. Это была жизнь, которую она рисовала в своем воображении в молодости. «Если бы у меня был богатый муж...» – так начинались все ее детские фантазии. Например, если бы у меня был богатый муж, у меня в саду росли бы мои любимые цветы и лежали камни, собранные на морском берегу. И это был бы не хрупкий песчаник, разбросанный по побережью в ее родной деревне, а твердые камни из белых кораллов с южных островов. Дом был бы украшен цветами из сада. Она бы выбрала мебель, которая ей нравилась: стулья, обтянутые дорогой выделанной кожей, деревянный полированный стол. На полу – восточный ковер ручной работы. Машина того цвета и той модели, которые ей нравились. Такими были ее мечты.

Как и сама жизнь на Хоккайдо, сейчас казавшаяся сном, так и все, что рисовало ей воображение, оставалось миром грез. Реальность, в которой она жила, застряла где-то посередине. Но в этом мире были люди, у которых реальная жизнь совпадала с ее мечтами. Были ее родители, живущие в деревушке на берегу моря, и были такие, как Норико. У Касуми это вызывало искреннее недоумение. Может быть, она слишком наивна? Касуми смотрела на скромный серебряный браслет на руке Норико, на ее ухоженную, красивую кожу.

С точки зрения Норико, и она сама, и Митихиро не особо отличались вкусом. Вот возьмем, к примеру, любую из их вещей – дешевые брюки и скромная рубашка поло на Митихиро, на Касуми мужская рубашка, купленная еще до свадьбы, и штаны чино, – в такой одежде люди обычно ходят за покупками в супермаркет. В их жизни не было ни опер, ни картин, ни книг; все, что их заботило, – выплаты по счетам. Даже по одежде детей можно было заметить разницу. На Юке и Рисе были футболки, перешедшие по наследству от соседских детей, между тем как Рурико была со вкусом одета в скромный сарафан из того же индийского ситца, что и у Норико. «Родись ты в моей деревне, – размышляла Касуми, – наверняка была бы такой же, как я». Уверенная в своей правоте, Касуми разглядывала аккуратный профиль Норико. При этом она не чувствовала абсолютно никакой ревности к Норико, никакой зависти к среде, в которой та жила. И только в закоулках ее души, как летнее кучевое облако, клубилось одно сомнение. Почему при такой распрекрасной жене Исияма полюбил такую, как она, Касуми? Это не было угрызениями совести, не было чувством неполноценности. Ее лишь не отпускала мысль о непостижимости человеческой души. Норико поймала на себе рассеянный взгляд Касуми и ласково улыбнулась в ответ.

– Касуми-сан, что случилось? Устали?

– Нет-нет. Все в порядке, – покачала головой Касуми.

– Вы какая-то задумчивая. Может, водички холодненькой хотите? – сказала Норико, вставая и подливая воду со льдом в стакан Касуми.

В саду послышался шум. Выглянув в окно, они увидели, как дети всей гурьбой направляются к дому с каким-то стариком.

– А к нам гости, к нам гости! – кричала детвора.

– Здравствуйте. Меня зовут Идзуми.

Седой мужчина в выцветшей жилетке для рыбалки без тени улыбки на лице положил руки на колени и торжественно поклонился. При этом было такое чувство, будто что-то свербит у него внутри, не дает ему покоя и мысли его где-то далеко. Его присутствие действовало на всех угнетающе, на мгновение в комнате наступила мертвая тишина. У старика была абсолютно прямая осанка, крепкая, загорелая шея изрезана глубокими морщинами – всем своим видом он напоминал негнибаемое дерево.

– Спасибо, что нашли время зайти к нам. Я тоже все собирался заглянуть. – Исияма смущенно приподнялся со своего места, но старик большой, узловатой рукой остановил его.

– У Тоёкавы собака в саду сдохла, мы с Мидзуси-мой-сан ходили посмотреть. Я, раз уж все равно сюда поднялся, решил зайти всех поприветствовать.

– Здесь что же, в округе бродячие собаки водятся? – удивленно спросил Митихиро.
– Нет. Не водятся, – качнув головой, сухо отрезал Идзуми.

Затем посмотрел Касуми в глаза и, вежливо поклонившись, произнес:

– Госпожа, позвольте выразить свою признательность за то, что вы купили этот дом.

Касуми не сразу смогла отреагировать. Рядом с Исиямой, как и полагается, сидела Норико, сама Касуми сидела рядом с Митихиро – ошибиться тут было трудно.

«Неужели старик сделал это с каким-то умыслом?» – подумала она. Исияма в смятении на мгновение потерял дар речи. Норико непринужденно рассмеялась.

– Идзуми-сан, я жена Исиямы.

– Вот оно как!

Даже и не подумав извиниться, он перевел взгляд с одной женщины на другую и еле заметно склонил набок голову. Выражение лица у него было такое, будто он сам не мог поверить в то, что обознался. Исияма торопливо произнес:

– Это моя жена Норико. Это господин и госпожа Мориваки.

– Очень приятно.

Идзуми лишь слегка кивнул Митихиро в знак приветствия.

Митихиро стоял, хлопая в недоумении глазами. Атмосфера в комнате еле заметно изменилась. Норико, пытаясь разрядить обстановку, спросила:

– Идзуми-сан, а откуда же все-таки собака появилась?

– Охотничья. Сезон-то охоты закончился, вот кто-то и бросил пса. А может, просто собака заблудилась. Только глупо было так высоко в гору забираться. Внизу, на побережье, всегда можно найти объедки. А бывает, что туристы подбирают таких собак.

– А почему же она умерла?

– Да с голоду.

– Жалость какая.

– Да уж, печально.

Норико и Митихиро поморщились, Касуми ничего не почувствовала. У этих собак такая участь. Она вспомнила, как в детстве играла с бродячими псами на берегу моря. Собаки жили, таская объедки из дома Касуми. Именно поэтому она была единственной, на кого они не лаяли.

– Идзуми-сан, может, присоединитесь? – предложил Исияма.

– Да нет, спасибо.

Идзуми решительно махнул рукой, отказываясь от предложения, повернулся в сторону сада и крикнул:

– Эй, Мидзусима! Иди поздоровайся.

Перед ними предстал неизвестно с какого времени ждущий в саду мужчина. Он держал за руку Рюхэя – видно, был равнодушен к детям.

– Здравствуйте! Мидзусима.

– Исияма-сан. Вы уже, наверное, познакомились. Это наш управляющий. Если какие проблемы, обращайтесь.

Мидзусима – лысый мужчина средних лет плотного телосложения – был одет в рабочий комбинезон, на ногах – резиновые сапоги. У него были красивые, выразительные, как у артиста, черты лица, звучный, раскатистый голос. И только мягкий взгляд как-то не вязался с остальным обликом. По лицу Норико пробежала тень. Видимо, ей было неприятно, что Мидзусима дотрагивался до ее сына руками, которыми некоторое время назад убирал труп собаки.

– Позвольте на этом откланяться.

Когда Идзуми и Мидзусима ушли, Норико с облегчением вздохнула:

– Извините, что-то я устала. Пойду немного передохну.

– Я посмотрю за детьми.

– А я пока помою посуду, – сказала Касуми.

Продолжая извиняться, Норико тяжелой походкой поднялась на второй этаж. Касуми дотронулась до руки мужа.

– Ты, наверное, тоже устал. Все эти ночные переработки. Может, приляжешь?

– Пожалуй, что и прилягу. – Митихиро поднялся со стула и потянулся.

Касуми и Исияма с нетерпением выжидали, когда уйдет Митихиро. «Какие же мы подлецы! – подумала Касуми. – Предаем близких людей, презираем их, причиняем им боль». Но и сопротивляться своим чувствам они не могли. Некоторое время Касуми и Исияма сидели, будто окаменев, друг напротив друга.

– А где мама? – неожиданно в комнату заглянула Рурико.

Исияма судорожно сглотнул и зажег сигарету.

– Мама спит.

– Опять? – равнодушно бросила Рурико и побежала обратно в сад.

Дети развлекались, копая яму и набирая в нее воду. Исияма посмотрел на Касуми.

– Пойдем в гардеробную.

– Чуть попозже.

– У меня терпение на исходе.

– Иди ты сначала.

То, что гардеробная будет местом их встреч, они решили еще до приезда. Исияма как ни в чем не бывало направился в маленькую комнату. Касуми быстренько перемыла на кухне всю посуду, прислушалась, не раздаются ли звуки на втором этаже, и, удостоверившись, что ничто не нарушает тишину в доме, последовала за Исиямой. От собственной дерзости ноги ее мелко дрожали. Тихонько постучала в дверь гардеробной. Исияма открыл дверь и тут же стиснул ее в объятиях. Гардеробная была небольшим помещением в европейском стиле, без татами, с единственным окном под потолком, через которое свет в комнату практически не попадал. Повсюду беспорядочной кучей валялись пропахшие плесенью матрасы-футоны и подушки. В глубине комнаты стояла узкая кровать, на которой не было ничего, кроме матраса.

– Как же я соскучился!

Касуми с беспокойством посматривала на дверь, ведущую в коридор. Исияма сгорал от нетерпения. Он отстранил от себя Касуми и стал расстегивать ширинку на джинсах.

– Прекрати. Мне как-то неспокойно.

Но Касуми продолжала тянуть его руку к своей груди, под рубашку. Она была возбуждена. Может, оттого, что все происходит в доме, под крышей которого находится вся ее семья? Или после того, как Идзуми по ошибке принял ее за жену Исиямы, ей стало казаться, что у нее это написано на лбу? В сущности, ей было все равно. В голове у Касуми был полный сумбур. Дыхание ее участилось. Она льнула к Исияме, сдерживаясь, чтобы не закричать от наслаждения. Ее возбуждение передалось и ему, он сильнее обычного укусил ее за губу.

– Извини, – хриплым голосом попросил прощения Исияма. – Дай посмотрю, не пошла ли кровь.

«Плевать, растерзай меня», – пронеслось у нее в голове. В такие моменты она больше всего боялась самой себя.

– Пойдем, – попросила Касуми, отрываясь от поцелуя.

Разочарованный тем, что Касуми передумала, Исияма отпустил ее.

– Хорошо. Я выйду первым.

Он тыльной стороной руки вытер губы, открыл дверь и вышел в коридор. Услышав шепот Исиямы, что все в порядке, Касуми последовала за ним. Еще перед отъездом они договорились, что после свиданий один из них будет выбираться из дома и делать вид, что ходил

на прогулку. Выйдя в коридор, Касуми бросила взгляд на второй этаж. Ни Митихиро, ни Норико не было видно. Исияма, наскоро сунув ноги в сандалии, уже вышел на улицу. Касуми направилась на кухню. В стекле шкафчика для посуды она увидела свое отражение: укушенная губа немного распухла. Касуми наполнила стакан водой из крана и приложила его к губам. Жар постепенно отхлынул от лица. Еще бы сердце перестало так учащенно биться, молила Касуми. Дети по-прежнему, радостно визжа, резвились в саду. Наступил вечер, безмятежный, как грезы наяву.

2

Было около девяти утра, когда она проснулась. В теле приятная тяжесть, несмотря на недосыпание. Не только душа, но, казалось, все ее тело от кончиков пальцев на ногах до кончиков волос хранило память об объятиях Исиямы. От этого воспоминания, переполнившего ее, кровь у Касуми стала потихоньку закипать. Рядом, явно принявший с вечера лишнего, храпел Митихиро. Чувствуя себя виноватой перед мужем, она тем не менее не смогла удержаться от сравнения. С Исиямой ей все время хотелось касаться его, почувствовать своим телом прикосновения его тела. Они будто были придуманы друг для друга, каждая частичка его тела была создана для нее. Как же ей хотелось проспаться в его объятиях до утра, хотя бы одну ночь! Поначалу, во время свиданий в love-отелях, она мечтала о том, чтобы продлить те два коротких часа и побыть еще немножко вместе – даже необязательно в постели. Но ее желания росли не по дням, а по часам. Стоило одному желанию исполниться, хотелось еще чуть-чуть, потом еще чуть-чуть. Касуми тихонько вздохнула и потянулась под легким пуховым одеялом. Подняв взгляд, в просвете между занавесками она увидела белесое небо, каким оно бывает в северных широтах. Сейчас все мрачные опасения, охватившие ее по приезде на Хоккайдо, показались ей просто смехотворными. Торжествуя, она снова посмотрела на небо. И тут впервые после пробуждения заметила, что в комнате как-то по-особенному тихо. Похоже, дети уже проснулись и без разрешения встали – кровать их была пуста. Касуми, поспешно одевшись, спустилась вниз. В гостиной, освещенной косыми лучами утреннего солнца, пахло спиртным, в широких лучах света висела мелкая пыль. Эффект Тиндаля. Это понятие объяснил ей Исияма. На столе стояли пустая винная бутылка и пивные банки, беспорядочно валялись надорванные пакетики с закуской. Утренний прилив бодрости стал улетучиваться. А ведь это они сами отложили уборку на утро. Вчера вечером Митихиро напился до чертиков, а Норико рано ушла в спальню. Радуюсь такой удаче, сгоравшие от нетерпения Касуми и Исияма провели остаток вечера, предаваясь любви на диване в гостиной. Здесь пахнет грехом, думала Касуми, обводя взглядом комнату. При этом у нее хватило дерзости и самообладания, чтобы удостовериться, не оставили ли они каких-нибудь улики.

Касуми решила поискать детей: их было не видно и не слышно. Волноваться, что они могли попасть под машину, здесь не приходилось. Безмолвные горы вокруг – вот что вызывало в ней тревогу. И не только это. Потакая своим желаниям, они с Исиямой опустили до предательства близких. Оно тяжелым камнем лежало у нее на душе. Не поглотила ли ее энергия этого леса, как тот ветхий дом, который она заметила по дороге сюда? Внутри ее притаился страх.

У порога она не увидела ни одной пары детской обуви. Сомнений быть не могло – все четверо удрали, никого не предупредив. Когда Касуми, присев на бетонное покрытие у входа, завязывала шнурки на кроссовках, вниз, видимо проснувшись по малой нужде, спустился Митихиро. От него еще пахло спиртным.

– Вчера поздно легла?

– Часов до трех сидели.

– И посуду не помыли. Нехорошо, не дома все-таки. – Митихиро обвел неодобрительным взглядом гостиную.

– Исияма-сан велел оставить все как есть, я вперед него ушла спать. Ты тоже хорош, напился, – запротестовала Касуми, пытаясь скрыть угрызения совести. «Ну и пройдоха!» – подумала она про себя.

Между тем Митихиро стал искренне извиняться.

– Извини. Все работа виновата, устал я.

Остановившись на полуслове, он, будто вспомнив о чем-то неприятном, стал обеими руками тереть помятое лицо.

– А где дети? – спросил Митихиро и, прищурившись от яркого света, посмотрел в сад.

– Похоже, ушли куда-то без разрешения. Я пойду поищу их.

– Я с тобой.

Они вышли наружу. На улице было свежо, одетая в футболку с короткими рукавами Касуми продрогла. Белый туман, висевший у подножия гор, окружающих озеро, постепенно рассеивался над его поверхностью. Голубое небо, напротив, делалось все насыщеннее голубым. Было красивое летнее утро. Касуми спустилась по каменной лестнице и вышла на дорогу.

– Куда они могли уйти?

Вдвоем они направились вниз по черной асфальтированной дороге. Касуми была подавлена – ее тяготило собственное открытие: она больше не чувствует вины от того, что обманывает мужа. Они с Исиямой рушили свои супружеские отношения и на их месте старательно строили новые... С устрашающей быстротой. Оба понимали, что в какой-то момент крах неизбежен. Если у одного все рухнет, то и у другого все развалится; шагавшая по обочине Касуми разглядывала канаву, тянущуюся вдоль дороги. В канаве – ворохи сухих листьев и мертвые насекомые. Если скатиться туда, будешь жить, погребенная под всем этим. Касуми подумала, что согласна и на это.

Метров через пятьдесят по правой стороне появился дом Тоёкавы. Касуми вспомнила вчерашний рассказ Идзуми о том, как они убирали труп собаки из его сада. В этот момент у подножия склона раздались звонкие детские голоса. Не сговариваясь, они бросились вниз. Перед домом Тоёкавы они увидели детей. Посреди дороги сидел юноша, а вокруг него дети, галдя, собирали листья.

– Мамочка!

Заметив Касуми, Юка и Риса бросились ей навстречу. Склон был довольно крутым, и девочкам стоило немалых усилий добежать до нее.

– Это, наверное, сын Тоёкавы.

Молодой человек медленно поднялся с земли и, отряхивая шорты, ждал приближения Касуми и Митихиро. Юка со всего размаху прильнула к Касуми, уткнувшись ей в живот. Она запыхалась от бега, отчего плечи ее ходили ходуном. Юка умудрилась одеться в свою любимую зеленую футболку. Касуми с вечера постирала ее и повесила сушить: дочка расстраивалась, если ей не давали надевать эту футболку ежедневно.

– Вы разве не знаете, что нельзя уходить гулять, не предупредив родителей?

– Прости, мамочка.

– Куда вы ходили?

– К дому внизу, но там все спали, и закрыто было.

– Что за дом внизу?

– Ну, к дому Идзуми-сан, – пояснила Рурико.

Дети снова все разом загалдели. Судя по всему, они вчетвером спустились к дому Идзуми и вернулись обратно. Касуми и Митихиро обменялись ошеломленными взглядами.

– Здравсте! – поприветствовал их юноша, кивнув и странно вытягивая шею.

– Вы сын Тоёкавы-сан?

– Ага. – Парнишка, видимо смущаясь, отвел взгляд.

Узкий разрез глаз, худощавый, рослый, рыжеватые волосы собраны сзади в хвост. Касуми вспомнила парня, который одно лето жил на берегу в их деревушке. Парню было чуть больше двадцати. Он рассказал Касуми, учившейся тогда в старших классах, что уже больше двух лет живет в палатке.

– Я два года путешествовал по Индии и Пакистану. Возвращаться не собирался, да вот виза кончилась, пришлось вернуться. Стал смотреть билеты, увидел, что можно выбрать или Нариту, или Саппоро. Сначала сомневался, куда лететь, возвращаться-то не хотелось, ну и выбрал Саппоро. Но город – это не по мне, я стал ходить по разным пляжам, ну и в итоге здесь поселился. Мне почему-то тут больше всего понравилось.

– А что здесь хорошего?

– Хм. – Парень склонил голову, похоже не зная ответа на этот вопрос, и стал рассматривать темно-серый песок.

– А Индия и Пакистан – там как?

Парень некоторое время размышлял над вопросом Касуми, подняв взгляд на небо, затянутое тучами.

– Там не чувствуешь течения времени. Начинаешь думать, что вот так и жил, наверное, Таро¹¹, – усмехнулся парнишка.

Касуми никак не могла понять, что человеку, который побывал за границей, могло понравиться в их деревушке. Она каждый день заглядывала к нему в гости.

Парень поставил маленькую оранжевую палатку в скальном углублении и практически все время отсыпался внутри. У него был плохонький магнитофончик, на котором он слушал одну и ту же кассету. Когда доходила очередь до песни Джимми Клиффа «The Harder They Come», взгляд его становился будто хмельным и он каждый раз начинал блаженно улыбаться. Набирать питьевую воду в пластмассовую канистру он приходил в дом к Касуми. «Кто не работает, тот не ест», – приговаривал отец, не скрывая своего недовольства. На это парень ничего не отвечал, а лишь ухмылялся. Однажды вечером, когда стало штормить, он свернул палатку и куда-то исчез.

Сын Тоёкавы был похож на того парнишку. Она пристально смотрела на него – уж не реинкарнация ли это?!

– Тетя, тетя, а мальчик нам сказал, что собака умерла. – Рюхэй специально подбежал к Касуми, чтобы сообщить ей об этом.

С Рисой на плечах, собравшийся уходить Митихиро заинтересованно обернулся.

– А где она умерла? – спросила Касуми у парня; тот кивнул в сторону дома.

– В саду. Мать сказала, что-то воняет. Отец пошел посмотреть и увидел труп собаки, поднял шум.

– Получается, давно она там лежала. – Митихиро скривился, лицо парня оставалось бесстрастным.

По всей видимости, сын Тоёкавы был из тех людей, кто не попадает под влияние чужих эмоций, и этим он тоже походил на знакомого Касуми.

– Ага, похоже на то. Никто ж в сад не заходит, так что никто и не знал.

– Как же Мидзусима-сан убрал труп?

– Ну, принес полиэтиленовый пакет. Потом они с Идзуми-сан, приговаривая «ну и вонища», засунули труп в пакет.

– Ну и вонища, ну и вонища! – прыснул со смеху Рюхэй.

– Ну и вонища, ну и вонища! – с удовольствием вторила Юка.

Парень посмотрел на развеселившихся детей и сам как-то по-детски рассмеялся.

– Эй, прекратите! – попыталась уговорить малышей самая старшая по возрасту Рурико. В ее тоне Касуми уловила нотки Норико.

– В саду, наверное, все провоняло. Такой запах надолго остается.

– Так в сад никто не ходит. Мамаша моя сказала: «Все равно ведь снег пойдет».

¹¹ Урасима Таро – герой японских сказок, побывавший во дворце морского царя и потерявший там счет времени. После возвращения на землю оказалось, что он отсутствовал 300 лет.

– Невероятно! Мне бы было ужасно неприятно.

Всю дорогу назад Митихиро был мрачен. Его, по-видимому, не удовлетворила эта логика – «все равно снег пойдет». Касуми в душе посмеивалась: «Да уж, если бы такое случилось у Митихиро, он бы все продезинфицировал и землю с того места выкинул». Когда наступит зима, почва промерзнет и полгода все будет запорошено снегом. А весной обо всем забудется.

Проснувшегося позже десяти Исияму рассказ об утреннем приключении детей, похоже, позабавил. С сигаретой в зубах он гладил Рюхэя по голове и смеялся, когда тот горделиво докладывал ему подробности прогулки. Лицо Исиямы покрылось щетиной, голос был хриплым. Заношенная футболка подчеркивала крупные лопатки и ложбинку позвоночника. Касуми с трудом сдержала побуждение броситься к Исияме. Ей хотелось вдохнуть запах его кожи, пробежаться пальцами по контурам позвонков.

Ей казалось, что это гладкое мужское тело вырублено из мрамора. Всегда подтянутый, Исияма, с его аккуратным круглым почерком, с его неприятием грубости и небрежности в работе, сегодня выглядел неотесанным и шероховатым. В этом было свое очарование, и Касуми попала в его плен. Ей хотелось узнать и принять его всего во всем его разнообразии. Касуми чувствовала, что душевный подъем, который она испытывала с утра, постепенно улетучился, будто смытый отливом. Она хотела Исияму прямо сейчас и страдала от невозможности удовлетворить свое страстное желание. Это было ее чистилищем. Пытаясь совладать с собой, она сделала глубокий вздох и опустила взгляд. Краем глаза Касуми поймала на себе ледяной взгляд Норико, лицо ее окаменело.

– Так, завтра постучишься и разбудишь Идзумисан, – послышался голос Исиямы; лицо Рюхэя озарила торжествующая улыбка.

Окрашенные в коричневатый цвет волосы Норико сегодня выглядели совершенно иначе, сухими и безжизненными. Она приглаживала их обеими руками, будто пытаясь унять раздражение.

– Не кажется ли тебе, что человеку это может быть неприятно?

– Да пошутил я. Не воспринимай все так серьезно! – огрызнулся Исияма.

Норико нахмурилась. Они оба были на взводе, еще когда вышли из своей комнаты на втором этаже. Даже их шаги по лестнице звучали как-то по-особенному громко. «Может, Норико знает, что произошло вчера вечером?» Касуми не на шутку встревожилась.

– Пойдем-ка в сад, – сказала Норико детям, беря Рюхэя и Рису за руки.

Детвора радостно бросилась на улицу, только Юка осталась стоять как вкопанная, с подозрением глядя на раздраженных супругов, – что-то было не так, как обычно. Митихиро, который терпеть не мог ссор, сразу оценил ситуацию и, сказав, что пойдет еще поспит, спешно ретировался на второй этаж.

– Дети все воспринимают серьезно, так что не стоит подбрасывать им такие странные идеи.

Глядя в сад, Касуми прислушивалась к их разговору, делала вид, что занята своим кофе. Ей, конечно, стоило последовать примеру Митихиро и уйти, но не хотелось выпускать Исияму из поля своего зрения.

– Да ничего такого дети не почувствовали. Не выдумывай!

– Я и не выдумываю. Это ты, чуть что не так, сердисься.

– Не начинай перед гостями.

Понимая, что Исияма имеет в виду ее, Касуми не удержалась и оглянулась на Норико. Взгляд у той был колючим. Касуми смиренно посмотрела в ответ. Она больше не чувствовала себя виноватой, теперь Касуми точно знала, что любит Исияму всем сердцем. Сейчас ей было все равно – рухни все хоть сию минуту.

– Это ты перед Касуми-сан стараешься? – тихо спросила Норико.

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего я не имею в виду! – с негодованием воскликнула Норико, но перед Касуми извинилась: – Извините, Касуми-сан, что устраиваем семейные сцены у всех на виду.

– Да ну что вы.

Юка растерянно наблюдала за перебранкой взрослых. Касуми взяла ее за руку и насильно вывела на веранду. Девочка все время хмурилась. Возможно, ей взбрело в голову, что Исияма и Норико ругаются, потому что она сама или ее семья сделали что-то плохое.

– Юка! Когда вы решите опять пойти погулять без взрослых, обязательно скажи об этом маме.

При упоминании об утренней прогулке Юка покорно кивнула. Настроение у нее улучшилось, и она наконец-то присоединилась к детским играм. Касуми вернулась в гостиную. Исияма исчез, а Норико на кухне, стоя к ней спиной, собиралась варить на обед лапшу. Касуми стала подниматься по лестнице, решив вернуться в спальню, полежать под боком у мужа и почитать книгу. Без машины до города было не добраться, мест для прогулок поблизости тоже нет. Перед глазами только одна дорога, ведущая вниз. У нее было чувство, что она заперта в этом непроходимом первобытном лесу.

– Касуми-сан! – позвала Норико, обернувшись.

Касуми остановилась посередине лестницы.

– Да?

– Довольно, остановитесь!

Касуми остолбенела. Взгляды их встретились. Касуми бы еще перенесла, если бы в глазах Норико прочитала гнев и ненависть. Но в них она увидела только презрение.

– О чем это вы? – с трудом выдавила из себя Касуми.

– Я знаю. Не говорите больше ничего, – резко оборвала ее Норико и отвернулась.

Норико бросила в кастрюлю с кипящей водой пучок лапши. Такая лапша сварится моментально. Касуми представила себе, как Норико резко откидывает лапшу, чтобы слить кипяток, и стала подниматься по лестнице. С каждой ступенькой вверх Касуми все сильнее стискивала зубы, и все сильнее крепла ее решимость. Она не размышляла, как же поступить. Норико, вероятно, будет вести себя как и прежде по отношению к Митихиро, детям и самой Касуми. А если это так, то и им с Исиямой остается только вести себя как и прежде. Она отдавала себе отчет в том, что это предательство, но она приехала сюда, чтобы встретиться с Исиямой.

Митихиро безмятежно спал с открытым ртом. Их комната находилась прямо над входом в дом, и отсюда был виден сад. Касуми раздвинула тюлевые занавески. Опершись на подоконник и подперев щеку рукой, она невидящим взглядом уставилась в окно. Дети играли на лужайке в салочки. Она невольно залюбовалась детской беззаботностью. Они уже, наверное, и думать забыли о ссоре взрослых. Хотя иногда ее удивляло, насколько долго в детской памяти жили какие-то совершенно неожиданные подробности давних событий. Вспомнив испуганное лицо Юки, Касуми задумалась о том, что останется у дочери в памяти о сегодняшнем дне. Если вдруг однажды Юка догадается, что это произошло по ее, Касуми, вине, возненавидит ли она мать? Касуми было все равно. Сейчас ей казалось, что она идет по пустыне и в лицо ей бьет встречный ветер. Касуми закрыла лицо руками.

В углу сада стоял Исияма. Он курил, делал вид, что наблюдает за детьми. «Два» – он жестом показал Касуми на часы. В два часа дня. Касуми кивнула.

Крадущейся походкой, двигаясь в темноте, она уловила его запах. Запах мыла и реки, впитавшийся в его тело. Касуми бросилась ему на грудь. Как тогда, в лифте.

– Молодец, что пришла.

– Ты тоже. Норико обо всем догадалась.

– Я знаю. Моя вина.

– Но я же...

– Не говори ничего.

Перешептываясь, крепко прижимаясь друг к другу, держась за руки, поспешили в боковую комнатенку. Внутри была кромешная тьма и пахло плесенью. Ну и что с того! Нетерпеливо сдернув с себя одежду, они рухнули, не разжимая объятий, на холодный матрас. Лежа в кромешной темноте, подмятая его тяжестью, Касуми прикасалась руками к его телу, водила по контуру любимого лица. Пальцами ног касалась шрама на голени, будто пытаюсь удостовериться, что это и вправду Исияма.

– Хочется лежать и лежать так вечно.

– Давай так и сделаем.

– Как долго?

Уже спросив, Касуми задумалась, чего же она, собственно, хочет. Все уже и так было на грани краха. Смогут ли они после того, как все разрушится, создать новый мир, где будут только они вдвоем? Но сейчас, в это самое мгновение, отсыревшая, темная комнатка была их миром, миром только для них двоих. Когда Исияма овладел ею, Касуми громко вскрикнула. В голове промелькнула мысль, что она готова отказаться даже от детей ради того, чтобы быть с Исиямой.

Одиннадцатое августа. Утро. Касуми проснулась, потревоженная возней у изголовья. Юка и Риса, рано проснувшись, натягивали на себя одежду: одинаковые зеленые футболки и белые шорты.

– Уже встали?

– Мамочка, доброе утро! – Юка, наклонившись, заглянула ей в лицо. Прямая челка растрепана после сна.

Касуми поправила дочери волосы и спросила:

– Сколько времени?

– Не знаю. – У пятилетней Юки чувство времени еще отсутствовало.

Ей ответил проснувшийся Митихиро, бросив взгляд на часы:

– Еще нет семи.

– Можно, я еще посплю? Пожалуйста.

Митихиро слегка пошевелился, вроде бы готовый встать.

– Хорошо, сегодня я встану первым.

– Спасибо. Юка, на улице холодно, надень кофту. И Риса тоже.

Она убедились, что дочери накинули поверх футболок черные хлопчатобумажные кофты, и закрыла глаза. В лицо ей опять заглянула Юка:

– Мамочка, ты не выспалась?

– Я скоро встану. Извини.

Касуми взяла лицо дочери в руки и нежно погладила. Увидев это, Риса тоже, требуя ласки, подползла к матери, Касуми приласкала и ее. Прислушиваясь к удаляющимся шагам мужа и дочерей, она закрыла глаза. В постели Касуми провела только последние три часа. Кутаясь в тепло пухового одеяла, подумала, что тело Исиямы горячее. Какое же счастье возвращаться в памяти вновь и вновь к этим ощущениям. Все ее тело помнило Исияму. Если открыть глаза, вокруг ее ждет реальность. Реальность противостояния с Норико. Ей хотелось еще хотя бы немножко побыть в объятиях сна.

Трудно сказать, сколько она спала. Проснулась оттого, что Митихиро тряс ее за плечо. Перед пробуждением Касуми видела сон. Во сне она, Исияма и Юка катались на лодке по Сикоцу. Горы были совсем рядом, почти нависали над ними, озеро казалось невероятно глубоким, и везде была вода, много воды. Лодка невесомо качалась на водной глади. Весел у Исиямы не было, он смотрел на горы. Поверхность озера подернуло рябью, лодка мягко рас-

качивается. Касуми гложет тревога, но Исияма и Юка смеются, оба в хорошем настроении, оба не сводят с нее глаз. Станный сон, в котором они, все трое, будто одна семья.

– Эй, проснись! Юка пропала.

Касуми испуганно вскакивает. Смотрит на часы. Семь сорок пять. Плохо понимая, что произошло, торопливо одевается.

– Что, что случилось?

– Мы все вместе вышли на прогулку. Риса захотела по-маленькому; пока я был с ней в туалете, Юка, видимо, одна снова вышла из дома. Я тут же побежал искать, но ее нигде нет.

– Господи, что за нелепость! – произносит она, но голос ее предательски дрожит.

«Да никуда она не денется! Ну что я дергаюсь?» – думает Касуми, но где-то глубоко в подсознании не дает покоя мысль, что еще вчера вечером она была готова бросить детей, и еще эти картинки из утреннего сна... В голову лезут только дурные мысли, гонят ее на поиск дочери.

– В доме проверил?

– Проверил. Не смотрел только в... – недоговаривает Митихиро.

– В комнате Исиямы?

– Да. Но там ее быть не может.

На секунду Касуми думает о том, что нужно проверить и комнату Исиямы с Норико, разбудить их, но потом колеблется: может, это все пустые страхи и неудобно будить людей в такую рань. Похоже, Митихиро думает о том же самом.

– Да она точно где-то на улице, – уверенно говорит он.

Внизу дети тихонько пьют молоко. Убедившись собственными глазами, что Юки с ними нет, Касуми чувствует, как ее захлестывает черная тревога.

– Никуда не уходите. Мама и папа идут искать Юку.

Дети все одновременно кивают, лица у них мрачные. С Юкой что-то произошло – даже малышам это понятно.

Касуми и Митихиро, пытаясь скрыть разочарование, обыскали каждый кустик в округе. Заглянули даже в подпол пустующих дач. Юки нигде не было. Возле дачи дорога заканчивалась тупиком, ребенок мог пойти только вниз. Забраться в гору, заросшую непроходимым лесом, без единой тропинки, было бы не под силу даже взрослому. Но на дороге Юки тоже не было.

– Расскажи подробнее, как все произошло! – допытывалась Касуми, почти бегом спускаясь вниз по дороге.

Шнурки у нее на кроссовках развязались – она все время спотыкалась. Митихиро, видимо паникуя, не мог ничего толком объяснить.

– Значит, так. Мы впятером пошли на прогулку, дошли до дома Тоёкавы. Потом Риса сказала, что хочет писать, мы все вместе вернулись на дачу. Юка была недовольна – хотела гулять еще. Я велел детям чуть-чуть подождать, а сам побежал с Рисой в туалет. Когда вернулся, Юки не было. Я спросил у Рюхэя и Рурико, где Юка, они сказали, что она вроде спустилась по лестнице и вышла на дорогу. Я бросил детей на даче, а сам побежал ее искать. Стал спускаться вниз по дороге, но ее нигде не было. Дошел до дома Идзуми, но он сказал, что никого не видел. Я за детей на даче забеспокоился, решил вернуться. Потом тебя разбудил.

– Сколько ты с Рисой был в туалете?

– Три-четыре минуты.

– За это время она не могла дойти до дома Идзуми, ты что, не понимаешь? Чтобы туда дойти, ребенку надо минут семь-восемь. – Поймав себя на том, что в голосе ее звучит укор, она чуть не расплакалась. – Извини.

– Я к Тоёкаве тоже заходил, они еще спали. Вышла жена с недовольным видом и сказала: «Ничего не знаю. Не приходила. Дочку вашу ни разу не видела».

– Какая она из себя?

– Такая тетка, на мужчину похожая.

– А парнишка вчерашний был?

– Был. Сказал, что спал, ничего не знает.

– Слушай, как же нам быть?

Позади послышались легкие торопливые шаги. В надежде, что это Юка, Касуми обернулась. Это была Рурико. Видимо, забеспокоившись, девочка решила их догнать. Узкие плечики ребенка ходили ходуном, она тяжело дышала.

– Тетенька Касуми!

– Рурико-тян, пойдем домой.

Касуми обняла девочку. Глаза той наполнились слезами, когда она увидела, что Касуми плачет.

– Тетя Касуми, что случилось с Юкой?

– Я не знаю. Послушай, ты никого не видела? Не проезжала машина?

– Не знаю, – затрясла головой Рурико, готовая разрыдаться.

Если бы Юку кто-то увез на машине, они бы услышали. Спуститься же вниз пешком – недостаточно времени. Получалось, что Юка могла быть только где-то здесь, на этой горной дороге, – но ее нигде не было. Куда же она могла подеваться? Касуми даже бросила взгляд на небо – уж не там ли она? Вдалеке, у подножия гор, стлались белые облака, небо было пронзительно-голубым, каким оно бывает только ранней осенью. В небе – ничего. Юки нигде не было. Касуми казалось, что она сходит с ума.

Разделившись с Митихиро, они еще некоторое время продолжали поиски на горной дороге, но все было тщетно. Когда они, обессиленные, вернулись в дом, часы показывали больше девяти. Митихиро сказал, что пойдет поищет еще, а Касуми зашла в дом. Норико уже проснулась. Взволнованная, она повернула к Касуми бледное лицо. Притихшие дети ели кукурузные хлопья и сосиски – завтрак, приготовленный Норико.

– Юка нашлась?

– Нет.

Касуми подумала, что от волнения лицо у нее, наверное, уродливо дергается. Выдержав паузу, будто решаясь на что-то, Норико произнесла:

– Касуми-сан, я хочу просто сразу сказать...

– Что?

– Какое бы отвращение я к вам ни испытывала, такого я бы никогда не сделала.

– Я знаю.

– Детей это не касается.

– Да.

– Скорей бы уж она нашлась, – сказала Норико и отвела взгляд.

Норико не была лишена чувства собственного достоинства. Касуми понимала это. Норико посмотрела на часы.

– Как можно спать так долго? Пойду разбужу его, – раздраженно сказала она.

– Я сама, – перебила ее Касуми. – Мне надо попросить его связаться с полицией.

Сделав вид, что не замечает недовольства Норико, Касуми вбежала вверх по лестнице и громко постучала в дверь комнаты. Исияма занимал одну из трех спален.

– Исияма-сан! Извините! Проснитесь, пожалуйста!

– Да? – раздался глухой голос Исиямы, и дверь тут же открылась. Волосы взерошены, футболка задралась. Увидев Касуми, он было заулыбался, но неожиданно, будто почувствовав что-то неладное, изменился в лице. – Что случилось?

– Юка пропала, не мог бы ты связаться с полицией?

– Да она где-то здесь, наверное, – спокойно ответил Исияма, но, увидев блеснувшие в ее глазах слезы, засуетился.

Касуми кратко рассказала ему о произошедшем. Тревога не покидала ее – пока она говорит с Исиямой, Юка может уйти еще дальше от дома. Или же свалиться в какую-нибудь яму, где нечем дышать, – от страха Касуми не находила себе места. Выслушав ее рассказ, Исияма решительно заявил:

– Исчезнуть она не могла.

– Но мы же все обыскали! Ну как ты не понимаешь?

Голос Касуми сорвался на крик. Исияма окаменел, будто его ударили. Касуми моментально пожалела, что зашла слишком далеко, но ей казалось, что сердце может выпрыгнуть у нее из груди, и она ничего не могла с этим поделать.

– Извини. Я сейчас же тоже пойду ее искать.

Исияма, пытаясь успокоить Касуми, обнял ее за плечи и торопливо поцеловал в губы. Касуми боролась с желанием остаться стоять вот так, припав к его груди. Оставив неподвижную Касуми, Исияма сбежал по лестнице. Когда наконец она спустилась за ним следом, Исияма уже начал обзванивать соседей, позвонил Идзуми, Тоёкаве, потом управляющему Мидзусиме. Идзуми он попросил позвонить на стоянку машин, находящуюся рядом с Сикоцу.

– Ее нигде нет. Что же могло случиться? – вернулся Митихиро, весь облик которого говорил о тщетности его стараний.

Вместо него на поиски отправился Исияма. Дети тихо, как мышки, забились в угол комнаты, видя, что взрослые мечутся с почерневшими от тревоги лицами. Робкая по характеру Риса всхлипывала. Когда стрелка часов перевалила за десять, Касуми вдруг закричала:

– Она в доме у Тоёкавы. Они ее там прячут.

Митихиро попытался обнять Касуми за плечи, но она с непонятно откуда взявшейся силой вырвалась из его объятий. Почему-то ее не покидала уверенность, что дочь в руках злоумышленников. Удивительное исчезновение Юки поставило ее в тупик – она просто не знала, как быть.

– Я абсолютно уверена, что ее кто-то прячет! Ну что смотришь? Рада, что с твоими детьми все в порядке? – сорвалась Касуми на Норико, кружащую в беспокойстве по кухне.

Норико, прижав к себе Рису, грустно покачала головой и поднялась на второй этаж. Рурико и Рюхэй последовали за ней – утешить мать. Касуми ощутила резкий укол в груди. Ее семья, потеряв одного члена, рушилась на глазах, а в семье этой женщины – мир и покой. В голове у Касуми был сумбур, и она прекрасно осознавала это, но дикое животное внутри нее, ища виновного, рычало, требуя добычи.

– Уймись! Возьми себя в руки! – Митихиро крепко схватил жену за плечи и встряхнул; голова Касуми безвольно мотнулась, как у тряпичной куклы.

– Если бы ты лучше за ней смотрел, этого бы не произошло! – не в силах сопротивляться, зарычала она на Митихиро.

У входа в гостиную неловко застыли трое: Идзуми, Мидзусима и полицейский. Наверняка они видели всю сцену от начала до конца. Идзуми и Мидзусима были одеты один в один как пару дней назад, и выражения лиц у них были такими же. Касуми с досадой подумала, что для этих двоих ее дочь и труп собаки одно и то же.

– Что вам? Что вам нужно?

Идзуми такое откровенно нелюбезное приветствие несколько не смутило:

– Госпожа! Пожалуйста, успокойтесь. – Идзуми потрепал Касуми по плечу.

На мгновение она уловила запах реки, такой же, как у Исиямы. Неожиданно силы покинули ее. Она впервые за все утро подумала, как бы ей хотелось, чтобы Исияма был рядом.

– Это местный патрульный Вакиита.

Вакиита был молод. Видимо, от жизни в холодном климате щеки его были покрыты сеточкой мелких красных капилляров. Из-за этого лицо его выглядело простодушным, как у полицейского, которому можно довериться. Вакиита отсалютовал в знак приветствия и бойко обратился к Митихиро:

– Расскажите, как это случилось.

Мидзусима, стоявший в углу комнаты, стянул с головы кепку и с жалостью смотрел на Касуми.

– Госпожа, вы, верно, беспокоитесь, – сказал он и опустил глаза.

Идзуми закурил и, показывая Вакиите карту, которую принес с собой, заявил:

– Вот здесь, ну да ты знаешь... Тут абсолютно невозможно заблудиться. Странно, да?

– Да уж.

– Запросил бы ты, Вакиита-сан, собак.

– Говорят, из Саппоро привезут.

«Собаки? Это, наверное, они о собаках-ищейках», – размышляла Касуми. Митихиро, водя пальцем по карте, объяснял, что произошло утром. Касуми тяжело вздохнула. Видимо услышав ее вздох, молодой полицейский обернулся. Форменную фуражку Вакиита снял, и Касуми рассеянным взглядом смотрела на капли пота, выступившие у него на лбу.

– Госпожа, скоро придет поддержка, успокойтесь, пожалуйста.

Митихиро по повторному требованию Вакииты и Идзуми начал свой рассказ с самого начала.

С налившимися кровью глазами вернулся Исияма:

– И в самом деле, нигде нет.

Касуми поднялась со своего места и пристально посмотрела Исияме в лицо. Он бросился к ней и обнял за плечи.

– С ней все будет хорошо, не волнуйся!

Тень подозрения мелькнула во взглядах мужчин, смотревших на Исияму и Касуми. Взаимное доверие между этими двоими почувствовали все, будто его сквозняком разнесло по комнате. Касуми бросила в ответ вызывающий взгляд: «Разве вам понять?! Что вы можете о нас знать?» Глаза ее встретились с глазами Митихиро. В его пристальном взгляде читалось недоумение. Исияма, не обращая внимания на присутствующих, гладил ее по спине.

– Все будет в порядке. Жди здесь. Она обязательно найдется.

Исияма был так нежен с ней, потому что ее грех был и его грехом. И в том, что произошло, виноваты они оба. У обоих проскальзывала мысль, что они готовы бросить своих детей. Они оба знали об этом, а потому пытались сейчас успокоить друг друга. Они страшились своего греха.

Супруги Тоёкава, полицейские из участка Энивы, местные пожарные, зашедшие посоветоваться о том, как лучше прочесывать лес в горах, – люди шли вереницей, сменяя друг друга. Касуми сидела уронив голову. Митихиро и Исияма взяли на себя заботу обо всем.

Прошла неделя. Юка так и не обнаружилась. Ни следов, ни единой зацепки. Девочка исчезла так внезапно, будто не обошлось без сверхъестественных сил. Норико с детьми вскоре вернулась в Токио. Митихиро и Исияма, которым нужно было возвращаться на работу, вместе с Рисой тоже были вынуждены уехать.

В день их отъезда Касуми сидела на бетонной лестнице перед домом, когда почувствовала, как сзади к ней приблизился Исияма. С тех пор как тот прекратил рыбачить, тело его перестало пахнуть рекой.

– Касуми!

Посмотрев Исияме прямо в лицо, Касуми произнесла:

– Что же делать? Куда она могла уйти? Что же мне делать?

– Будем искать. Я не сомневаюсь, что она жива. – Исияма взял ледяные ладони Касуми в свои руки.

– Да, будем искать.

Касуми обвела девственный лес усталым взглядом. Она чувствовала, что природа теряет энергию. Горы готовились к зиме. Вечерами температура резко падала. И каждый раз Касуми терзала мысль, что где-то замерзает Юка. Исияма был подавлен, видя, до какого изнеможения дошла Касуми.

– Послушай, что я хочу тебе сказать. Только не сердись.

– «Не сердись»?

Сил, чтобы сердиться, у Касуми не осталось. Она посмотрела на Исияму так, будто видела его впервые.

– На мне лежит ответственность за то, что Юка пропала. Я купил эту дачу и настоял на твоём приезде. Этого я вынести не могу.

– Не можешь?

Касуми посмотрела на изможденное лицо Исиямы.

– Да. Я не могу смотреть, как ты страдаешь. И мне невыносимо, что Норико таскают на допросы.

– О чем это ты?

– На наш счет есть... подозрения. Норико об этом дали понять в полиции. Норико настаивает, что ей ничего не известно, но если что-то просочится про наши отношения, ее заподозрят. Могут подумать, она из ревности что-то сделала с Юкой. Даже более того, все мы без малейших оснований попадем под подозрение. Поэтому я тебя прошу никому не говорить о нас с тобой. Норико тоже поклялась, что будет молчать.

Касуми подняла взгляд на Исияму:

– То есть притвориться, будто ничего не было?

– Я не говорил, что надо притвориться, будто ничего не было. Потому что – было. Я лишь прошу не говорить об этом посторонним. Иначе Норико попадет под подозрение. Мориваки-сан тоже может оказаться под подозрением. Начнется неразбериха, от которой все пострадают. Мне этого не вынести.

Касуми почувствовала, что Исияма уже все для себя решил. Она смотрела на месяц, висевший среди бела дня над вершиной вулкана Энива.

– То есть всему конец?

– Да не конец, сказал же тебе. Потому что я тебя люблю, – произнес Исияма, покосившись на дорогу – не идет ли кто.

Митихиро, взяв с собой Рису, ушел попрощаться с Идзуми.

– Что же делать? То есть мы не будем больше встречаться?

– Некоторое время мы не сможем видеться, – выдал из себя Исияма. – Сама подумай, что я буду чувствовать при встрече с тобой, осознавая каждый раз, что это по моей вине ты потеряла ребенка? Ну, сама посуди. Мне этого не пережить. Пожалуйста, подожди немного!

– Подождать?! Как долго?

– Пока не найдем Юку. И я со своими делами не разберусь.

– С чем ты собрался разбираться?

– Я о Норико. Это займет какое-то время. Прости.

Исияма закурил и стал разглядывать маленький садик справа. Рядом с качелями валялась желтая пластиковая лопатка – игрушка Рюхэя. Яркая расцветка резала глаза.

– Ну что, подождешь? – спросил Исияма.

Касуми молчала, разглядывая свои кроссовки.

– Касуми-сан, подождешь? – снова взмолился Исияма.

– А чего ждать? – Касуми заглянула в ошарашенное лицо Исиямы.

– Как чего? Меня подождешь?

– А что будет со мной, пока я буду ждать? Ты не можешь мне помочь сейчас, так какой смысл ждать? – пробормотала Касуми, качнув головой. – Я не могу ждать, пока что-то, возможно, как-то да сложится в будущем. Я и раньше не ждала и впредь ждать не буду. У меня есть только «сегодня».

– Да уж, – вздохнул Исияма. – Ты такая.

– Если ты сейчас не можешь быть со мной, то мне остается только искать Юку.

– Не могу. Извини. У меня еще есть семья.

Ей показалось, что он всхлипнул, но она не посмотрела на него. Послышались звуки шагов и голоса. Митихиро с Рисой возвращались обратно. Исияма, не произнеся ни слова, зашел в дом.

Мужчины и Риса во второй половине дня улетели. Касуми осталась одна на опустевшей даче. Она планировала побыть здесь еще месяц. «Бедная Юка, – думала Касуми, – вернется, а меня тут нет». С наступлением сумерек она обошла все комнаты, одну за другой. Из темных углов ей слышался шепот дочки: «Мамочка, мама!» Неужто девочка вздумала поиграть с ней в прятки? Несколько раз Касуми, не сдержавшись, засмеялась, окликая дочь: «Скорее выходи!» Последней была комната в четыре с половиной дзё, та самая, сбоку в прихожей. Касуми не заходила сюда с того самого вечера. Она прислонила ухо к двери. Из комнаты доносилось тяжелое дыхание Исиямы и ее собственное. В тот момент она подумала, что это их мир, новый мир, принадлежащий только им двоим. Она ведь жила только ради этого. Оторвавшись от двери, Касуми застонала. Как же она любит Исияму! Как же она любит Юку!

Зазвонил домофон. Очнувшись и заметив, что стоит в прихожей одна, Касуми решила, что вернулась Юка. Она утерла слезы – в душе теплилась крохотная надежда – и широко открыла дверь. На фоне темно-синего сумеречного неба стояло семейство Тоёкавы. Его жена – с короткой, как у мужчины, стрижкой, в пиджаке грубого мужского покроя, на лице ни грамма косметики, бесцеремонная на вид – произнесла низким сочувственным голосом:

– Все ваши разъехались. Мы подумали, что вам тут одиноко, вот и зашли.

– Спасибо, – ответила Касуми с нескрываемым разочарованием.

– Может, поужинаете с нами? – пригласил Тоёкава – мужчина с глазами, как у сына.

Тоёкава явно был не дурак выпить – судя по его иссиня-черной, толстой, как у кабана, шее. Позади них, покорно склонив голову, стоял их сын.

– Большое спасибо, но я не в настроении.

– Да, мы понимаем. Ну ладно, мы вам что-нибудь принесем.

Касуми решительно отказалась.

– По правде говоря, мы завтра уезжаем. Сейчас как раз сезон, мы решили дачу продать. Конечно, после того как Юка-тян пропала, это будет сделать труднее, но мы все равно настроены продать, вы уж не обижайтесь, – выдал из себя Тоёкава.

– С какой стати?

– Ну как же, Юка-тян вернется, а тут никого из знакомых нет, жалко же.

Лицо парнишки исказила печальная гримаса. Неожиданно на глаза Касуми навернулись слезы. Вот почему им было все равно, когда в саду нашли труп собаки, – потому что они думали продать дачу. Потому что они не собирались оставаться здесь, когда выпадет снег. С наступлением зимы здесь останутся лишь несколько заброшенных домов. Ей удалось сбежать из своей деревни, но она потеряла Юку в этом пустынном месте. От жалости к дочери слезы все лились и лились из ее глаз. Она впервые рыдала на людях. Семейство Тоёкава, переглядываясь между собой, продолжало стоять в нерешительности, не зная, как поступить. В конце концов они ушли.

Вечером после того, как она поговорила с Митихиро, позвонил Исияма. Звонил он, видимо, с общественного телефона – из трубки доносились посторонние мужские и женские голоса, слышался шум машин. Касуми с ностальгией вслушивалась в звуки Токио.

– Тебе там не одиноко?

– Все в порядке, – соврала Касуми.

– Я ужасно подавлен. Чувствую свою ответственность перед Юкой. И перед тобой. Не знаю, как с этим быть. Бросил рыбачить и курить. Решил, что должен сделать что-то, что мне сделать непросто. Дурак я?

– Да нет. Как Норико?

– Ходит как в воду опущенная. Со мной почти не разговаривает. Она тоже по-своему зла на меня за то, что ты по моей вине так страдаешь.

– Думаешь?

– Уверен. Никто не может меня простить, – печально сказал Исияма.

– Я об этом даже не думала.

Касуми и в голову не приходило прощать другого или быть прощенной. Для нее единственным напарником была она сама.

– Спасибо и на этом. В любом случае я буду ждать, когда найдется Юка-тян и когда тебе станет лучше.

Касуми сказала «спасибо» и повесила трубку. Она снова подумала, что в словах нет никакого смысла, если Исияма не собирается искать Юку вместе с ней.

Ежедневно у Касуми был один и тот же график: она ходила на поиски Юки в близлежащие горы и ездила в полицейский участок Энивы узнать, нет ли какой-нибудь новой информации. В отделение ее отвозил и привозил обратно Мидзусима на своем «джимни». Так прошла неделя. Однажды прохладным утром Касуми стояла на дороге перед дачей, ожидая машину. Мидзусима появился позже обычного. Рядом с ним в машине сидела жена Идзуми, Цутаэ, одетая в ярко-красную блузку. Женщина вежливо поприветствовала ее, не выходя из машины. Касуми несколько раз встречалась с женой Идзуми и каждый раз думала, что, мол, за странная женщина. Было ей за шестьдесят, но выглядела она обворожительно. Ей, похоже, было абсолютно все равно, что происходит в окружающем мире. Из интересов – уход за садом и стряпня. Зимой она все свое время посвящала рукоделию, никуда не выходя из дома. Цутаэ привела Митихиро в ярость, когда при нем, будто о совершенно постороннем человеке, пробормотала: «Интересно, где ее закопали?» И это было сказано о девочке, которая исчезла из дачного поселка, где она сама жила! Касуми была в недоумении, увидев эту самую Цутаэ-сан. Мидзусима вышел из машины и учтиво извинился.

– Касуми-сан, вы уж простите, пожалуйста. Тут такое дело. Я должен отвезти госпожу Цутаэ в Саппоро. Босс за вами приедет. Вы не против, если он вас отвезет?

Она кивнула, и машина с двумя пассажирами, на большой скорости развернувшись на сто восемьдесят градусов, уехала. Цутаэ радостно улыбалась и кланялась на прощанье. «Можно было бы и по телефону все уладить. Подбросили бы ее к берегу, а там бы уж она как-нибудь сама разобралась», – занервничала Касуми, не понимая, что происходит. Ей даже пришло в голову, что, возможно, Цутаэ просто захотела с ней повидаться, вот и приехала. Касуми недоуменно склонила голову набок: «До чего же странно ведет себя эта женщина». Она вернулась в дом, переделалась потеплее. Снова раздался звук приближающегося автомобиля. На этот раз за рулем сидел Идзуми. На нем была черная куртка-пуховик, и выглядел он сегодня моложе обычного.

– Садитесь, Касуми-сан! – крикнул Идзуми, открывая дверь своего внедорожника.

– Извините за хлопоты.

Касуми забралась на переднее сиденье. Идзуми, не трогаясь с места, посмотрел на профиль Касуми.

– У вас есть водительские права?

– Нет, нету.

– Ну, на мопеде, если потренируетесь, думаю, сможете ездить. Я в полицию докладывать не буду.

– О чем это вы?

– Я вам дам свой старый мопед «Каб». Вы, пока здесь, сможете на нем ездить.

– Спасибо, но почему?

– Жена ревнует. Бойтся – переманите. Так что теперь никак не получится вас отвезить.

Потрясенная Касуми смотрела на Идзуми. У нее пропала дочь, а Цутаэ ревнует ее к мужу? Это что же такое происходит?

– Но меня же возит Мидзусима-сан! – произнесла Касуми, и только тут до нее дошло, что речь шла вовсе не об Идзуми: Цутаэ ревновала ее к Мидзусиме.

Со страдальческой миной на лице Идзуми тронулся с места. Когда они проехали мимо опустевшей дачи Тоёкавы, Идзуми снова обратился к ней:

– Я что хочу сказать, Касуми-сан... Для меня это такой шок, что ваша дочка исчезла. Мне правда очень жаль, что это произошло в моем дачном поселке. Я готов взять на себя ответственность за произошедшее.

Касуми плохо представляла, каким образом Идзуми собирался брать на себя ответственность. К тому же она не понимала, почему вообще он чувствует свою ответственность. Она лишь осознавала, что исчезновение Юки доставляет Идзуми как владельцу дачного поселка столько же хлопот, сколько и труп собаки, найденный в саду у Тоёкавы. Машина спустилась с горы и выехала на дорогу. Когда они приблизились к побережью, Идзуми со вздохом спросил:

– Интересно, Исияма-сан будет продавать дачу?

– Посмотрим. Я не знаю.

Идзуми бросил на Касуми взгляд, говорящий: «Да не может быть, чтобы ты да не знала». Лицо Касуми оставалось невозмутимым. Идзуми, похоже, обладал каким-то особым чутьем. Весь оставшийся путь до полицейского участка Касуми сидела, повернувшись к окну. Больше в том году случая поговорить с Идзуми так и не представилось.

После того как к ней в руки попал мопед, Касуми показалось, что она освободилась. Она ежедневно наматывала километры по горным дорогам, объезжала дома в округе, чтобы поговорить с жильцами, не переставая удивляться, откуда только у нее берутся на все силы. Иногда она бросала мопед и бродила в поисках Юки по лесным тропам, которые природа, готовясь к зиме, стремительно заносила осенней листвой, под ногами хрустывала подмерзшая земля. Дикие леса Хоккайдо, его морозный воздух – все это было ненавистно Касуми, и эта земля мстила ей.

В один из дней Касуми, как обычно, заехала в полицейский участок Энивы. Следователь по имени Асанума, отвечающий за расследование, окликнул ее, приглашая зайти в его маленький кабинет:

– Мориваки-сан, можно вас на минутку?

– Какие-то новости?

Асанума, поняв, что дал Касуми надежду, сконфуженно поскреб щеку, но при этом в его взгляде сквозило любопытство.

– Тут такое дело. Один человек утверждает, что знает девочку на Хоккайдо, точь-в-точь похожую на Юку-тян.

– Где? – воодушевилась Касуми.

– В округе Румой есть такая деревушка, Кирай...

Глядя на остолбеневшую Касуми, Асанума продолжал:

– Только было это тридцать лет назад.

Это же она сама! Она ведь тоже, глядя на Юку, не раз ловила себя на мысли, что дочка похожа на нее в детстве как две капли воды, что дети поворачивают время вспять. Вот и теперь давно прошедшее время вернулось к ней. Касуми стояла в полной растерянности.

– Это же вы, не так ли?

– Да.

– Вы оттуда родом? Прописка-то у вас в Нагано, поэтому я был уверен, что вы оттуда.

– Я после замужества там зарегистрировалась, по месту прописки мужа, а родилась я в округе Румой.

– Вот оно что! Человек, который нам позвонил, сказал, что много лет назад из деревни пропала девушка, похожая на исчезнувшую девочку.

– Не сложилось у меня там... – запинаясь, пробормотала Касуми; уж не ее ли родители позвонили, занервничала она. – Я ни разу там не была с тех пор, как окончила школу.

– Конечно, конечно. Да вы и не такой человек, чтобы сбежать из дома.

– Это не совсем так. А как звали того, кто вам позвонил?

Асанума назвал какое-то обычное, ни о чем не говорящее Касуми имя. Она вздохнула с облегчением, что звонок был не от родителей, но вместе с тем почувствовала досаду, что родина, брошенная ею много лет назад, дала о себе знать таким неожиданным образом.

– Вы, пожалуйста, не говорите ему обо мне.

– Конечно, конечно. А вот с родителями вы нехорошо поступили, я так думаю. А то ведь как аукнется, так и откликнется.

Касуми впервые задумалась о том, что для родителей она была как исчезнувшая Юка для нее. Как аукнется, так и откликнется. Вот что, оказывается, люди думают о таких, как она. Это открытие далось ей тяжело.

Через несколько дней, перед отъездом в Токио, Касуми ехала на мопеде по дороге, идущей вдоль берега Сикоцу. Неожиданно она будто кожей ощутила присутствие воды и обернулась в сторону озера. Все было как всегда: тишь да гладь, ни единой волны. Возможно, среди останков леса, что лежат на дне озера, живет теперь и ее Юка. Как рыбка, которую ловил Исияма. Эти неожиданные образы раньше не приходили ей в голову. Она знала, что полицейские из Энивы тралили дно, но Касуми все время была уверена, что Юку кто-то похитил и удерживает силой.

Касуми остановилась на обочине дороги и, стараясь унять сердцебиение, смотрела на озерную гладь. Чем дальше она смотрела на воду, подернутую мелкой рябью, тем страшнее становилось ей от огромности этого водного пространства. Невыразимый словами гнев, будто тошнота, подкатил к горлу. Неожиданно для самой себя Касуми бросилась вниз по склону к берегу и стала яростно топтать мокрый песок. Ну почему это должно было случиться с ее Юкой?! Неужели потому, что, как сказал Асанума, она бросила в свое время родителей? Или потому, что тайно встречалась с Исиямой? И если дочь отняли у нее за ее собственные грехи, то ей ничего не остается, как биться до последнего.

Касуми подобрала камень у самой кромки воды и швырнула его в озеро. Камень улетел недалеко, и почти беззвучно вода поглотила его. Касуми показалось, что это говорит о ее бессилии, и она стала кидать камни один за другим, один за другим...

Я здесь совсем одна. Юка где-то тоже совсем одна.

В конце концов гнев уступил место огромной печали. Касуми упала ничком на землю, усеянную галькой, и горько зарыдала. Этот момент стал началом ее скитаний.

Глава 3. Скитания

1

Касуми с облегчением подняла взгляд, когда они вынырнули из темноты и грохота тоннеля. Поезд приближался к станции «Накано» на ветке метро «Тодзай». Появившееся в окне небо было таким пасмурным, что можно было легко ошибиться, решив, что уже наступил вечер. Дождь молотил в окно крупными каплями и ручьями стекал по стеклу. Казалось, все кругом с треском лопается под ударами дождя – такой он был силы. Поезд проскользнул к платформе, стряхивая с себя дождевые капли. Летний ливень застал Касуми врасплох. Пробираясь к выходу, она размышляла о том, что надо бы купить зонт. Хотя от такого дождя никакой зонт не спасет – промокнешь до нитки. На станции, сбегав по лестнице, она бросила взгляд на часы. Было уже больше пяти. Как бы ей ни хотелось переждать дождь под навесом, но время не позволяло. Сначала нужно было уладить кое-какие дела, а потом ехать за Рисой в клуб продленного дня в Мусасисакаи. В такие моменты ей становилось жалко себя: щемящее чувство, что в ее жизни нет ни времени, ни покоя.

Касуми купила в киоске голубой виниловый зонт. На ладони, что держала зонт, поблескивала белая пыльца. Касуми потеряла одну руку о другую, пытаясь стряхнуть пыльцу – та поскрипывала, как, бывает, поскрипывает рисовая мука. С дешевым зонтиком в руке она нерешительно мялась под навесом станции. Ливень был таким сильным, что брызги долетали и сюда – вокруг были лужи. Прохожие с криками забегали под навес, промокшие с головы до пят, будто их окатили ушатом воды. «Лучше переждите!» – посоветовал мужчина средних лет, заметив сомнение на лице Касуми. Лишь на мгновение лицо ее смягчилось, но тут же снова напряглось, как у канатоходца. С тех пор как пропала Юка, это странное выражение, начисто лишенное радости, будто приклеилось к ее лицу.

Вытянув шею, Касуми посмотрела на небо. Дождь, похоже, не собирался униматься. Можно было бы легко все уладить, просто взяв такси. Увы, в деньгах она была ограничена так же сильно, как и во времени. Правда, сегодня было одиннадцатое число, и это окончательно разрешило ее сомнения. Именно потому, что сегодня одиннадцатое, нужно было, даже взяв такси, пошевелиться. Именно потому, что сегодня одиннадцатое, покупившись сейчас, она, возможно, будет раскаиваться позднее. Именно потому, что сегодня было одиннадцатое, она решила сама поехать за Рисой в клуб продленного дня, хотя в этом не было никакой необходимости – острая потребность души, причина которой лежала в том непоправимом, что случилось много лет назад. Раскрыв только что купленный зонт, Касуми направилась к стоянке такси, и с каждым шагом уверенность, что она приняла правильное решение, крепла.

Через несколько минут такси остановилось перед зданием с надписью «Накано кооперасу» – домом, где раньше жила Касуми. Она попросила водителя подождать и зашла в подъезд. Все в этом доме, где она прожила восемь лет после замужества и откуда переехала лишь два года назад, было до боли знакомым. Всего семьдесят четыре квартиры. Она до сих пор помнила не только код почтового ящика, но и код отсека, где стояли мусорные баки. Трехкомнатная квартира не была такой уж просторной, но зато сам дом находился близко от станции «Накано», и ей с Митихиро было удобно добираться до работы.

Касуми бросила взгляд на почтовый ящик с номером квартиры, где она когда-то жила. Ей нестерпимо захотелось заглянуть внутрь: не пришло ли чего-нибудь важного. Знакомый консьерж, видимо, уже ушел домой: его окошко было занавешено выцветшей белой хлопчатобумажной шторкой. Быстренько убедившись, что никого нет, Касуми набрала код и приот-

крыла металлическую дверцу ящика. Внутри лежали только рекламные буклеты и листовки. Разочарованная, она закрыла ящик.

Рядом с комнатенкой консьержа висела доска из пробкового дерева, на которой жильцы вывешивали объявления. Касуми посмотрела на маленький кусочек бумажки, приклеенный в самом углу. Лаконичный текст, набранный на фотонаборном аппарате и откопированный. Как это бывает с объявлениями о похоронах, будто говорящих «тронешь – будешь наказан», никто не рискнул сорвать его или подписать что-нибудь неприличное. Ни грязи, ни пятен – объявление выглядело точь-в-точь как месяц назад. Вид бумажки, прочно приклеенной к доске и не претерпевшей никаких изменений, привел Касуми в уныние. Каждый месяц одиннадцатого числа она приходила сюда поменять объявление и справиться у консьержа, нет ли новостей. Консьерж, раньше из жалости частенько беседовавший с ней, в последнее время стал ее избегать. Люди ко всему привыкают. Касуми размышляла о человеческом равнодушии то ли с печалью, то ли с чувством неизбежности.

Юка-тян!

Папа и мама переехали по адресу, указанному ниже.

Мы тебя очень ждем, обязательно свяжись с нами.

Мусасино, Сакаимати 6—3—6

Телефон: 0422—36—00XX

Мориваки Митихиро

Касуми

Риса

Хлопнула входная дверь. Шум ливня и запах сырости заполнили подъезд. Касуми обернулась. Женщина в красном плаще, с маленьким мальчиком за руку, слегка поклонилась ей в знак приветствия.

– Ну и ливень! – обратилась она к Касуми, складывая зонт.

– Да уж.

Капли дождя стекали с ее зонта – на кафельном полу моментально образовалась лужа. Капало даже с плаща.

– Извините, это ваше? – раздался шепот за спиной у Касуми; та поправляла кнопки, на которых держалось объявление.

– Да. Моя фамилия Мориваки. – Касуми повернулась к женщине.

Та разглядывала ее с нескрываемым любопытством.

– А как это случилось? Я переехала сюда в прошлом году и все время обращаю внимание на ваше объявление.

– Моя дочка пропала без вести на Хоккайдо.

Ахнув, женщина схватилась за грудь.

– На Хоккайдо?

Бесстрастным голосом Касуми произнесла, как заученный, текст:

– На Хоккайдо. Мы гостили у знакомых на даче неподалеку от Сикоцу. Однажды утром дочка неожиданно исчезла.

– Какая жалость! А сколько было вашей девочке?

– Пять лет.

– А что же полиция?

– Естественно, объявили в розыск. Даже привозили собак-ищеек, но так и не нашли.

– Может, несчастный случай?

– Так и не выяснили – несчастный случай или преступление.

– А... – женщина запнулась, – а когда это случилось?

– Четыре года назад. Мы в этом доме жили, но потом, в позапрошлом году, решили переехать. Вот повесили объявление – подумали, бедная девочка вернется, а нас никого нет.

– Да уж. – Молодая женщина крепче сжала детскую ладошку, будто испугавшись, что сын может вот прямо сейчас исчезнуть; в глазах у нее стояли слезы.

– Консьерж – очень хороший человек. Разрешил нам повесить объявление. Так что я каждый месяц одиннадцатого числа прихожу проверить, висит или нет.

– Одиннадцатого? – Женщина озадаченно посмотрела на нее.

– Да, дочка исчезла одиннадцатого августа. Сегодня одиннадцатое июля, так ведь? То есть через месяц, одиннадцатого августа, будет ровно четыре года. Дочке уже исполнилось девять.

Женщина, не промолвив ни слова, кивнула с горечью на лице. «Если бы была жива». Касуми прекрасно знала, о чем она подумала. «Если бы была жива». Касуми понимала – эти слова запретны в общении между людьми. Никто не верил, что Юка жива. Только Касуми верила. Теперь, как никогда, она не просто была уверена, она почти веровала в это. И эта вера определяла все ее поступки, придавала ей силы. Сначала, после исчезновения Юки, в дни скорби, Касуми жила только надеждой, но надежда была чем-то эфемерным, готовым исчезнуть во тьме беспросветного отчаяния.

– Не знаю, где она сейчас, но уж буквы читать наверняка может. Все-таки третий класс.

Слова Касуми привели женщину в замешательство, и она как-то неопределенно кивнула.

– Дай бог, найдется.

– Если что-то узнаете, позвоните, пожалуйста, по этому телефону.

– Да-да, конечно.

На лице женщины отразилось облегчение, будто она освободилась от какого-то груза. Касуми, сделав вид, что не заметила, вышла из подъезда. Струи дождя стали размеренно-спокойными, но вместе с утраченной мощью исчезло и предчувствие, что он вот-вот может прекратиться. Вечер обещал быть дождливым.

Касуми нырнула в ожидающее ее такси.

– На светофоре налево, – попросила она.

Машина тронулась с места. Касуми прислонилась лбом к стеклу и стала смотреть на темную, мокрую от дождя дорогу, полную воспоминаний: вот она сажает Юку на велосипед и они едут в детский сад, вот она едет забирать Юку из сада. Было и еще одно воспоминание. По этой дороге, сев на велосипед, она мчалась на короткие свидания с Исиямой.

– Подождите здесь, пожалуйста! – попросила остановиться Касуми перед кирпичным зданием, какие обычно сдаются в аренду под небольшие бизнесы.

Не раскрывая зонта, она вбежала внутрь. В небольшом холле с лифтом стены были увешаны вывесками разнообразных питейных заведений и парикмахерских. Сбоку скромно висело объявление, идентичное объявлению в их доме в Накано. Без единого пятнышка. Среди всех этих вывесок бумажка выглядела как инородное тело – от нее веяло одиночеством.

В этом здании на самом верхнем этаже находился детский садик. Юка ходила сюда три года. «Ребенка нельзя расстраивать. Что, если Юка по детской своей памяти вздумает прийти сюда?» – размышляла Касуми. Вернувшись в такси, она прочла на лице водителя, видимо наблюдавшего за ней, немой вопрос:

– Потеряли что-то?

– Можно и так сказать, – неопределенно ответила Касуми, а про себя подумала, что так оно и есть.

Она все это время искала потерянное четыре года назад. И случилось это потому, что, пытаясь жить мимолетным настоящим, она допустила мысль, будто можно забыть о своих

детях, отречься от них. Почувствовав тяжелый комок в груди, она вздохнула. Любой незначительный предлог – и ее мысли начинали тщетно вертеться по одному и тому же кругу.

– Или кошка сбежала? – беззаботно встрял в ее размышления водитель.

Касуми уставилась на непрерывнодвигающиеся дворники на лобовом стекле. Она сама уже не очень осознавала, кто и что потерял и что она ищет. Определенно, она искала свою дочку по имени Юка. Но сейчас, четыре года спустя после исчезновения девочки, она понимала, что потеряла что-то еще, не только Юку. А что – не знала.

– Я поеду по шоссе Ицукайти, – быстро пробормотал водитель, почувствовав, что спросил что-то лишнее, и погрузился в молчание; в наступившей тишине Касуми закрыла глаза. – Вас к какому выходу станции подвезти?

Похоже, усталость дала о себе знать, и она задремала. Такси уже подъезжало к Мусасикакаи. Она поднесла часы к лицу, так чтобы на них падал свет уличных фонарей, – было уже больше шести. Касуми объяснила, где находится здание клуба продленного дня, и попросила таксиста подождать ее. Касуми корила себя: доехала в комфорте, раскошелившись на такси, а из-за пробок все равно опоздала. Она часто ругала себя за то, что Риса была для нее второстепенной, не главной, и все ее мысли – о Юке.

Касуми торопливым шагом зашла в здание. Риса с ранцем за спиной ждала ее в прихожей, раздраженно переминаясь с ноги на ногу. Все дети уже разошлись, она осталась одна. Касуми коснулась коротко постриженных волос дочки. Риса ходила в первый класс. Она была худенькой и по-мальчишески резвой. В ней не было Юкиной пронизательности. Да, Касуми украдкой сравнивала их и ничего не могла с собой поделать. В такие минуты она думала, как бы все было гармонично, если бы Юка была с ними. От Рисы исходил какой-то молочный запах, словно от молочного супа-рагу, которым часто кормят детей в садах и школах. Это был почти забытый ею запах. Касуми замерла, охваченная воспоминаниями. Дети, по утрам пахнувшие так по-домашнему, к вечеру пропитывались запахами детского сада. Юка, ходившая в эту же группу продленного дня, не была исключением. Правда, от Юки зачастую пахло сладостями, которые дети получали на полдник. Это было еще одним мучительным воспоминанием.

– Мамочка, там дождь. Где зонт? – надула губы Риса.

– Не волнуйся, я на такси. Иди в машину.

– Почему? – Риса бросила на мать беспокойный взгляд. – Почему я должна идти в машину без тебя?

– Мне надо поговорить с учительницей.

– О чем?

– Сегодня одиннадцатое число. Ты знаешь, о чем.

– А, про Юку-тян?

Одиннадцатое число было для их семьи особенным днем. Риса, перегнавшая по возрасту старшую сестру на момент ее исчезновения, стала звать ее Юка-тян. Касуми иногда не находила слов, настолько все это было странным. Риса с покорным видом направилась к такси. С тех пор как Риса стала осознавать окружающую действительность, она научилась понимать: в их жизни все, что касалось исчезнувшей сестры, было на первом месте.

Все в детском корпусе клуба было маленького размера: и шкафчики для обуви, и деревянные настилы. Касуми разулась, чувствуя себя великаном в детском царстве. Надела тапочки для посетителей и направилась в учительскую, расположенную в глубине помещения. В комнате оставались только два преподавателя. Касуми обратилась к работающей здесь не на полную ставку старшей преподавательнице, которую знала в лицо.

– Сэнсэй¹², сегодня одиннадцатое число. Новостей ведь нет никаких, так?

¹² Сэнсэй – почтительное обращение к учителям, врачам, ученым, а также зачастую просто к уважаемым людям, стар-

– Одиннадцатое? – Одета в спортивный костюм молодая учительница лет тридцати в растерянности бросила взгляд на расписание, вывешенное на доске, и перевела взгляд на коллегу. – Что там у нас одиннадцатого?

Касуми увидела, как коллега стала подавать старшей преподавательнице знаки глазами.

– Сегодня день, когда исчезла моя старшая дочка Юка.

Юка исчезла, когда еще ходила в детский сад, так что она не имела никакого отношения к этому корпусу, где была расположена группа продленного дня. И все же Касуми не могла удержаться от того, чтобы каждый месяц не спрашивать, нет ли каких новостей.

– А! Нет, ничего не было. За этот месяц ничего. Извините, что я не сразу поняла, о чем вы.

– Ничего, ничего. Я так, на всякий случай. До свидания.

– До свидания.

Ну отчего все вздыхают с облегчением, даже голос и выражение лица меняются, стоит закончить разговор о Юке, будто они освободились от чего-то мрачного? Радуются, что могут вернуться из тьмы безнадежности, которую увидели краешком глаза, к понятной им обыденности, светлой и спокойной? И значит ли это, что обыденность Касуми и ее семьи состоит из тьмы?

– Мама, а ты первый раз за мной на такси приехала! Почему? Потому что одиннадцатое число?

– Потому что дождь пошел, – ответила Касуми, сама на мгновение забыв, что не стала бы брать такси, не будь сегодня одиннадцатое число; она была погружена в размышления о том, когда же и они будут жить как все остальные, когда и их жизнь станет светлой и спокойной.

В тот вечер Митихиро задерживался на работе позже обычного. «Наверное, срочный заказ», – беспокоилась Касуми, промывая рис. Чтобы успеть приготовить ужин, Касуми ушла из офиса пораньше.

Выставив на стол палочки и пиалу для Юки, Касуми и Риса съели свой незатейливый ужин. Касуми всегда готовила на одну порцию больше, чем требовалось, чтобы хватило Юке, когда бы та ни вернулась. Помыв за собой посуду, Касуми позвонила на Хоккайдо. Первый звонок был Мидзусиме.

– Алло, говорит Мориваки...

– А, здравствуйте-здравствуйте!

Касуми не успела даже закончить фразу, когда раздался громкий голос Мидзусимы. Отчетливо звучащие согласные – Касуми так и видела перед глазами его красивую осанку.

– Как дела, все здоровы?

– Да, все здоровы. Я вот...

Еще до того, как Касуми задала вопрос, Мидзусима перебил:

– Сегодня одиннадцатое. У меня в календаре помечено. Я всегда с нетерпением жду вашего звонка. Знаю, что «с нетерпением» звучит неуместно, но...

– Как у вас с погодой?

– Сегодня прекрасная. Градусов двадцать шесть, и влажность восемнадцать процентов. Ни облачка на небе, по-настоящему летняя погода.

Касуми на мгновение представила себе Юку, идущую в одиночестве под этим ясным небом. В ее воображении Юка всегда выглядела счастливой и довольной.

– Никаких изменений?

– Да все по-прежнему, – печально произнес Мидзусима извиняющимся тоном. – Я вот по поводу фотографии, что здесь в дачном поселке висит. Это ведь фотография Юки, когда ей было пять. До чего же она на ней милая. Только сейчас она, должно быть, уже подросла, я вот и думаю, как быть с фотографией.

– Да уж. Возможно, выглядит она теперь иначе.

Касуми сделала пометку. Перед дачей Исиямы, где исчезла Юка, Идзуми повесил табличку с надписью «Если встретите в окрестностях маленькую девочку, пожалуйста, позвоните».

– Да. Тут неожиданно Тоёкава-сан в гости пожаловал. Я даже удивился.

– Тоёкава-сан?

В памяти Касуми всплыла яркая картинка: семейство Тоёкава на фоне пронзительно-синего неба. Сын ведь, наверное, уже институт окончил. Интересно, он по-прежнему улыбается той своей полуулыбкой?

– Да. Бизнес у него по-прежнему идет хорошо, он влиятельный человек в определенных кругах. Сын устроился на работу в кооперативный банк «Синкин», волосы, говорят, пришлось отстричь. Тоёкава-сан, похоже, тоже все переживает: что же случилось с Юкой-тян? Для всех это такая травма!

– Да, я понимаю.

– Извините меня. Конечно, для вашей семьи это самое тяжелое испытание. А я тут такое говорю.

– Ничего. Кстати, как поживает жена Идзуми-сан?

– Все нормально. Вчера вот снова изъявила желание съездить в Саппоро посмотреть кино. Я ее отвозил. В декабре уж два года исполнится, как его нет. Как же время быстро бежит!

Масаёси Идзуми, пройдя через тяготы банкротства, в позапрошлом году покончил жизнь самоубийством в охотничьем уголке в Кусиро. Когда Касуми получила это известие, она вспомнила слова Идзуми, произнесенные им на прощание: «Я готов взять на себя ответственность за произошедшее». Считалось, что банкротство стало причиной его самоубийства, но Касуми иногда думала, не исчезновение ли Юки толкнуло его на этот шаг.

– Такое несчастье.

– Босс был очень ответственным человеком, – проникновенным голосом произнес Мидзусима.

Управление в дачном поселке сменилось, но Мидзусима продолжал работать в администрации. Желаящих купить дома не находилось, и поселок превратился в «призрак», где только один дом, дом Идзуми, оставался жилым. Мидзусима фактически превратился в слугу Цутаэ, оставшейся без мужа. А возможно, он даже стал жить вместе с обворожительной вдовой?

– Тут такое дело... – запнулся Мидзусима. – Вы ведь сейчас будете звонить супруге Идзуми-сан?

– Да, я собиралась.

– Вы уж на меня не обижайтесь, – Мидзусима старался подобрать слова. – Тут такое дело, госпожа Цутаэ не очень себя хорошо чувствует. Могу я вас попросить не звонить ей больше?

– Что вы имеете в виду?

– Я буду со всей ответственностью продолжать поиски Юки-тян. Вы уж не трогайте, пожалуйста, госпожу Цутаэ.

– Неужели мои звонки так обременительны для нее?

– Да вы не подумайте чего. Госпожа очень уж переживает, чувствуя свою ответственность каждый раз, когда вы звоните.

– Я же просто узнать, нет ли чего нового.

– Я-то понимаю. Я до боли вас хорошо понимаю. Но ведь, знаете, бывают люди, когда им вот так звонишь каждый месяц в один и тот же день, они расстраиваются.

Цутаэ было наплевать на исчезновение Юки – вот в чем было дело. Касуми смутно понимала это, но сейчас почувствовала какое-то бессилие – будто соскальзывает в темное ущелье, где не за что уцепиться. Если так пойдет и дальше, Юка будет всеми забыта! Когда Касуми чувствовала, что другим нет дела до ее беды, одиночество, какое и словами не выразишь, становилось невыносимым.

– Извините меня, пожалуйста, – полным отчаяния голосом произнес Мидзусима, как будто пал ниц на том конце провода, моля о прощении. – Простите, что причинил вам боль.

– Нет, все нормально.

– Простите. Но я... Я обязательно найду Юку-тян, будьте уверены. Кстати, вы планируете приехать в следующем месяце?

– Да, собираюсь.

Касуми взяла за правило каждый год в августе ездить на Хоккайдо.

– Понятно. Ну что ж, буду рад повидаться с вами.

Рад? Это что же получается? Будто она едет на какую-то увеселительную прогулку! Касуми не могла прогнать странное ощущение, какое бывает, когда тело не может избавиться от жара, – она никому не могла о нем сказать, и даже вздумай она сказать, ее бы не поняли: она чувствовала, что люди, оказавшиеся вовлеченными в историю исчезновения Юки, все как один хотели похоронить это происшествие в прошлом.

Перед ней стоял Митихиро – она даже не заметила, когда он вернулся домой. Митихиро выглядел еще более поникшим, чем когда она видела его сегодня перед уходом из офиса. Митихиро было уже под пятьдесят. На его лице тяжелые трудовые будни оставили глубокие, нестираемые борозды. Его некогда стройное тело будто стало усыхать. К переживаниям о Юке в последнее время прибавились и проблемы на работе. Среди его клиентов не осталось таких, каким был когда-то Исияма, вечно расхваливавший его работу. Да и сам спрос на работу такого рода постепенно исчезал. Даже просто удержаться на плаву было сложно – многие подобные компании одна за другой уходили из бизнеса. Касуми поувольняла сотрудников, внедрила компьютеры, и одно время дела шли получше, но потом, после исчезновения Юки, стало ни до чего, и «тихая» реформа увяла, не успев начаться. Последний сотрудник компании уволился в этом году, и Митихиро работал в одиночку, перебиваясь мелкими заказами.

– С возвращением, – сказала Касуми, положив трубку. – Я тоже только недавно пришла.

– Тут неожиданно срочный заказ, сегодня вечером придется опять идти в офис.

Единственным способом выжить было, выступая субподрядчиком крупных компаний, браться за экстренные заказы. И большей частью такие заказы приходилось выполнять в ночное время, что не пользовалось популярностью среди молодежи.

– Ужас какой! Я бы пошла помочь, но мне сегодня вечером надо к Огате-сэнсэю.

– Опять?

Митихиро скривился, но Касуми сделала вид, что не заметила этого.

– Кстати, ты Исияме-сан позвонил? Сегодня одиннадцатое.

Обязанностью Митихиро было связываться с Исиямой и местной полицией.

– Сегодня утром позвонил. – Митихиро стоял с поникшей головой, будто придавленный какой-то тяжестью. – Позвонил, но никто не подошел.

– Ну, тогда я попробую дозвониться.

– Нет, не надо. Если честно, я тебе не говорил, но я уже несколько месяцев не могу с ним связаться. Думаю, он куда-то переехал.

Касуми не сводила с мужа глаз.

– А домашний телефон?

– Звонил, но последнее время там тоже никто не подходит. Мне неохота было разбираться, вот я и не говорил тебе правду.

Нужно было срочно связаться с Исиямой. Она знала, что не успокоится, пока не узнает, не случилось ли чего. Касуми нервно кусала ногти. Она знала о своей странной заикленности на одиннадцатом числе, но, казалось, она не сможет двигаться вперед, пока все кусочки головоломки не встанут по местам.

– Наверное, переехал куда-то.

– И ты не знаешь, как с ним связаться?

– Угу.

– И у кого мы теперь будем спрашивать про Юку?

– Да прекрати уже, – тихо огрызнулся Митихиро. – Давай оставим его в покое.

– Почему?

– Думаешь, ему приятно постоянно чувствовать, что его в чем-то обвиняют?

– Но ведь просто ответить на телефонный звонок ему ничего не стоит, правда? – непроизвольно повысила голос Касуми.

Риса, смотревшая в углу телевизор, не выдержав, вышла из комнаты. Касуми почувствовала, как оболочка лопнула и душа ее стала вытекать, будто сукровица из лопнувшего волдыря. Одиннадцатого числа оболочка рвалась особенно легко.

– Я позвонил Асануме. Он сказал, что новостей нет, – сменил тему Митихиро.

Асанума был полицейским из Энивы, ответственным за дело Юки.

– Он только и делает, что в гольф играет.

Митихиро горько усмехнулся, но Касуми, похоже, разозлилась не на шутку. Она считала, что Асанума недостаточно ревностно занимается расследованием.

Из ванной послышался звук льющейся воды. Наверное, Митихиро решил освежиться перед тем, как вернуться обратно в офис. Воспользовавшись моментом, Касуми взяла трубку и нажала одну из кнопок быстрого набора номера. Это был рабочий телефон Исиямы. После исчезновения Юки Исияма ушел из рекламного агентства и стал заниматься закупками товаров для туризма и активного отдыха. Поговаривали, что дела у него идут хорошо. Касуми несколько раз набрала номер и каждый раз слышала одно и то же: «Набранный вами номер не используется». Она попробовала позвонить по домашнему телефону, но и там никто не подходил. Касуми почуяла неладное. Она заглянула в записную книжку и решительно набрала номер офиса Норико.

– Офис компании «К-дизайн».

Было уже начало девятого, но Норико сама подошла к телефону – видимо, работала свехурочно.

– Норико-сан, это Касуми.

Это был их первый разговор после того, что произошло на Хоккайдо. Касуми почувствовала, как Норико затаила дыхание.

– А, Касуми-сан! Сколько лет, сколько зим. Как с Юкой-тян?

– Не нашли.

– Вот как. Жалость какая, – удрученно произнесла Норико.

На той стороне провода слышался оживленный разговор коллег Норико.

– А что случилось с Исиямой-сан? Сегодня одиннадцатое число, я ему позвонила, но никто не подходит.

– А, так вы не в курсе! – устало сказала Норико, понизив голос. – Мы развелись год назад.

– Я не знала, – оторопела Касуми.

– Так между вами все кончено? – шепотом, но без обиняков спросила Норико.

Касуми с горечью осознала, что развод сделал Норико жестче.

– Да. И я очень раскаиваюсь в том, что произошло.

– Ничего, ничего. Вам тоже нелегко после того, что случилось с Юкой.

Касуми промолчала. Последний довод Норико прозвучал так, будто она хотела сказать: «Теперь мы квиты». Касуми не была готова к тому, что озлобленность Норико прорвется по прошествии времени.

– И чем же занимается Исияма-сан?

– Он мне не звонит, так что я не в курсе. Думаю, нелегко ему со всеми его долгами.

– С долгами?

– Естественно. С бизнесом у него в конечном итоге не заладилось. Я еще до того, как все это началось, получила дом в Мэгуро, но недавно мы оттуда переехали. Теперь и до школы, и до работы примерно одинаково по времени добираться.

Куда они переехали, Норико не уточнила. Касуми поблагодарила и повесила трубку. Тогда на лестнице перед дачей Исияма молил ее подождать, пока он все уладит. Вот, похоже, и уладил. Потерял работу, семью и сам исчез. Где он и что делает сейчас? Так же она думала и о Юке. Что случилось с этими двоими? Касуми вспомнила собственное чувство одиночества тем летом, четыре года назад.

– Кому звонила?

Перед ней в футболке и семейных трусах стоял с мокрой головой Митихиро.

– Жене Идзуми-сан, – соврала она.

– Ну и что она сказала?

– Попросила больше не звонить, – только тут не соврала Касуми.

– Не обращай внимания. Все привыкли.

– Привыкли? К чему привыкли? – Касуми подняла голову и уставилась на мужа.

Митихиро закурил и, выпуская дым, с иронией в голосе ответил:

– К ситуации. Не для всех же это так серьезно, как для нас. Вот и все. В этом мире всегда так. Давай прекращай каждый месяц всем подряд звонить.

– Почему?

– В этом году будет уже четыре года. Ты всех утомила своими звонками. Понятно же: если что-то случится, с нами обязательно свяжутся. Поэтому давай прекратим эти звонки. И еще, я думаю, тебе же будет легче, если хоть немного примиришься с действительностью.

Касуми абсолютно не понимала, что Митихиро пытается сказать.

– По-моему, я примирилась с действительностью. С той действительностью, что Юки нет. Именно так я и живу, разве нет? Когда Юка исчезла, мне было так тяжело, что хотелось умереть. Разве то, что я еще жива, не доказывает, что я примирилась с действительностью?

– Но ведь мы не можем позволить себе умереть еще и потому, что есть Риса. И потому, что Юка пропала без вести. Так ведь? И пока мы не будем точно знать, жива она или нет, мы ведь не можем умереть. Разве не так?

– Так.

– Но это не значит, что мы по-настоящему живем. Ты ведь абсолютно уверена, что Юка жива. Поэтому никогда не сможешь смириться со своей судьбой. Другими словами, на самом деле ты не примирилась с действительностью. Ты живешь во сне. И если так будет продолжаться, этому никогда не будет конца. Нужно научиться терять надежду.

– Но ведь потерять надежду – значит признать, что наша девочка умерла?

– Я понимаю, как тяжело это признать. И что теперь? Ты собираешься всю жизнь продолжать искать? – утомленно потер веки Митихиро. – Я, по правде сказать, немного устал. Мне жаль Юку, но иногда я думаю, что с этим ничего уже не поделаешь.

– Ты что, сдался? – Касуми нахмурилась, чувствуя, что муж ее предал. Ее охватила глубокая печаль.

Митихиро с жалостью смотрел на изменившуюся в лице жену.

– В какой-то мере. Мы столько сил тратим, чтобы найти ее, и никаких результатов. Мне иногда даже кажется, что тут замешаны какие-то сверхъестественные силы. И к тому же, если ты будешь продолжать в том же духе, подумай, что будет со мной и Рисой. Пока ты живешь в своем сне, хватаясь за надежду, люди, живые люди вокруг тебя вынуждены постоянно страдать.

– О чем ты?

– Послушай, пора простить меня и Рису. И Исияму с его женой.

– Простить? – Касуми побледнела.

Митихиро продолжал:

– Ты никого не прощаешь. Никогда. Поэтому тебе так тяжело.

– Я тебя не понимаю. Объясни, я тебя не понимаю!

– Ты не можешь мне простить, что я упустил Юку из виду и она в этот момент исчезла. Ты не можешь простить Рисе, что она именно в этот момент попросилась в туалет. Исияма виноват в том, что пригласил нас на дачу. Разве не так? – скороговоркой выпалил Митихиро, стоя с опущенной головой.

– Это не так! – отрезала Касуми.

Обвинения Митихиро были далеки от истины. Это ее собственный поступок и поступок Исиямы были непростительны. И вместе с тем их можно было простить. Поскольку то, что в глазах окружающих было предательством, для них было тем, ради чего они с Исиямой жили. Так что Касуми простила всех, включая саму себя.

– Что значит «не так»? А, ладно, в другой раз поговорим. – Митихиро со вздохом вышел из комнаты.

Касуми столбом замерла посреди гостиной. И хотя комната была ярко освещена, ей казалось, что она дрейфует во мраке, беспомощная и одинокая. Даже Исияма, который раньше делил с ней все невзгоды, отдаляется от нее, уплывает в сторону берега.

После того как Митихиро снова ушел в офис, Касуми уложила Рису спать, а сама вышла из дома. Дождь еще продолжался. Она раскрыла зонт и зашагала по темному жилому кварталу. Прошла мимо аккуратных типовых домиков, через улицу, мимо старого многоквартирного муниципального дома. Наконец подошла к ветхому одноэтажному строению. На табличке надпись: «Огата». Касуми ходила к старцу Огате так часто, что им пришлось переехать из Накано в Мусасисакаи. Рядом с домом, втиснутый в узкое пространство, выпятил заднюю часть большой автобус, явно не новый и без колес. Дом был погружен в темноту, но в автобусе, подключенном к генератору, ярко горел голубоватый свет, как в торговых киосках по вечерам.

– Добрый вечер! – Касуми положила мокрый зонт на ступеньки автобуса и постучала в дверь.

На двери была наклеена пластиковая табличка, на ней фломастером написано: «Общество “Парадайз”».

– Кто там? – спросил мужской голос.

– Сэнсэй, это я, Мориваки.

– А, Касуми-сан, заходите-заходите.

Щуплого вида пожилой мужчина, ниже Касуми ростом, открыл складную дверь-гармошку. Все окна в автобусе были закрыты, и оттого внутри стояла духота. Вентилятор, покачиваясь из стороны в сторону, гонял по автобусу тепловатый воздух.

– Жарко, наверное. Пришлось окна задвинуть от комаров.

– Извините, сэнсэй, что беспокою в такое позднее время.

Касуми, озабоченно посмотрев на рукав футболки, промокнувший под дождем, зашла внутрь. У старика были посетители: две женщины средних лет, расположившись в углу авто-

буса, в тишине читали Библию. Касуми поклонилась женщинам и, поджав под себя ноги, присела перед стариком. Огата, в белой рубашке с отложным воротником и серых брюках, спокойно сидел на небольшой подушечке. Его скромный наряд оставался неизменным круглый год. Зимой он надевал куртку, протертую на локтях, или накидывал свалевшийся свитер. Огате было чуть за шестьдесят, взгляд пронизательный, лицо моложавое.

– Сегодня ведь одиннадцатое. Что-нибудь случилось? – Огата помнил, что одиннадцатое число было важным для Касуми.

Касуми кивнула:

– Да так, по мелочам.

– Похоже, что-то не очень хорошее?

– Да. Исияма-сан развелся. Его жена сказала, что он весь в долгах и она не знает, где он.

– Исияма-сан? – переспросил Огата, будто не веря своим ушам. – Интересно, что случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.